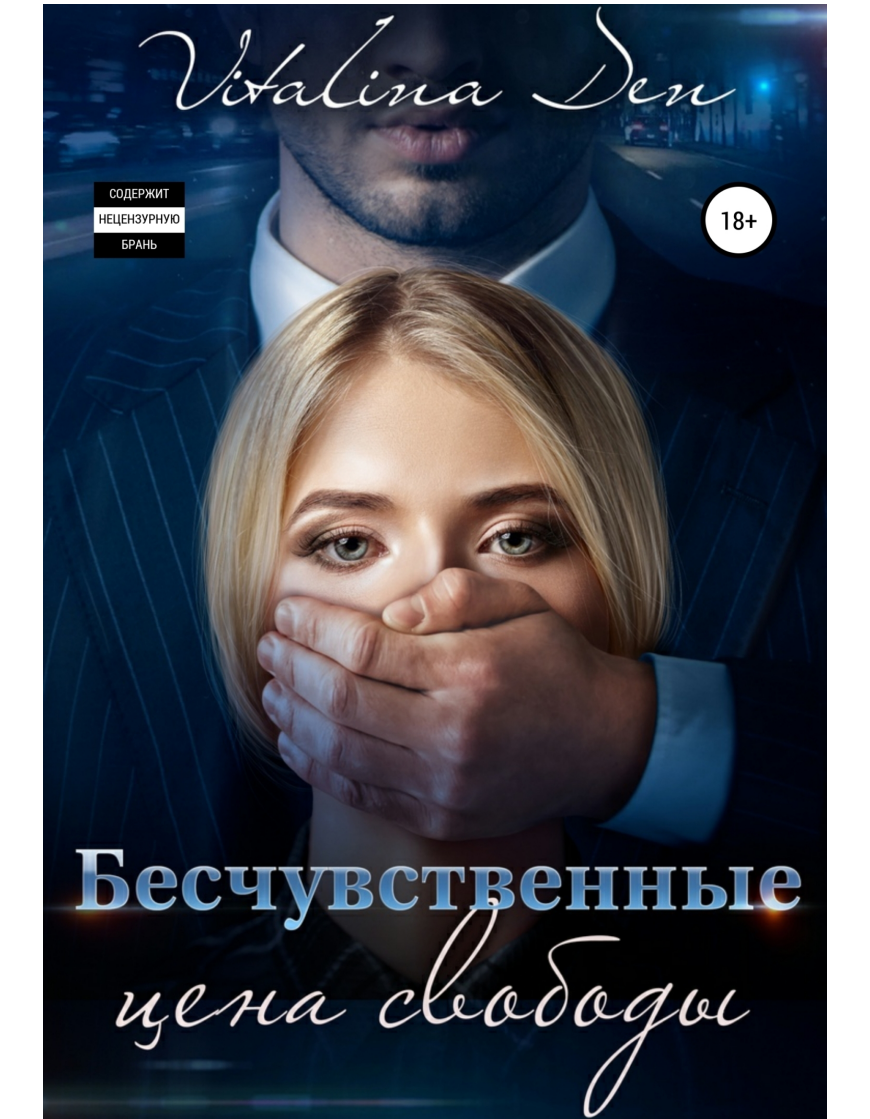

Vitalina Den

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бесчувственные
цена свободы

Виталина Дэн
Бесчувственные. Цена Свободы
Серия «Безудержные», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66688786

SelfPub; 2023

Аннотация

На что готов пойти человек, чтобы выкарабкаться из своей мрачной бездны? Чем готов пожертвовать в жизни, чтобы задушить внутренних бесов, которые заполняют его?

Я слишком поздно понял, что она и есть мое спасение... мое лекарство. Она ненавидит меня, проклиная каждый день. Изо дня в день голубые глаза говорят, чтобы я сдох или оказался одним из её кошмарных снов.

Я ненавижу его! Он – отражение моей прошлой жизни. Соткан из полного подобия той ненависти и грязи, в которой мне посчастливилось вырасти.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	56
Глава 5	71
Глава 6	84
Глава 7	101
Глава 8	117
Глава 9	132
Глава 10	159
Глава 11	179
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Виталина Дэн

Бесчувственные.

Цена Свободы

Глава 1

Тимур

– Погодите! Не спешите так. Я еще не всё сказал! – назидательные слова нейрохирурга врезаются мне в спину, когда я на немеющих ногах отправился к её палате.

– Что еще случилось? – молниеносно очутился около доктора, жестко хватая его за плечо.

От моего некорректного поведения лицо врача покрылось красными пятнами. Так и читалось в его сверкающих гневных глазах, что он за такую выходку готов с меня три шкуры спустить на этом самом месте. Сразу заметно, что никто не позволял себе такого хамского отношения к этой мужской особи в белом халате, стоящей напротив меня.

– Молодой человек, – процедил сквозь зубы он.

Хотя, мне явно показалось в данный момент, что он хотел рявкнуть на все отделение.

– Не вынуждайте меня с вами ругаться и вышвыривать отсюда. Поверьте, я это сделаю. Вы тут находитесь только

потому, что я этому позволил быть.

Я заломил брови в насмешке, излучая взглядом всё, что думаю о его угрозах. Если я захочу, его уже через пару часов заменит кто-то поумнее и поговорчивее. Но я этого не сделаю! Уж больно люблю людей с характером и независимой точкой зрения.

– Внимательно Вас слушаю, доктор. – Снисходительно ответил. Засунул руки в карманы джинсов и таращился в ожидание на него в упор.

– Она пришла в себя. Приходит. Она еще ничего не знает. – После этой фразы я вытащил руки и свел брови к переносице. – Не знает, что произошло с ней. Сейчас постепенно она начнет выходить из своего полубессознательного состояния. Ни в коем случае не давите на нее. Просто будьте рядом. Это все, что ей сейчас нужно. – Последнее пробурчал еле слышно. Стащил с лица очки, протирая их вытасненным из кармана платком.

– Сколько времени она будет приходить в себя? Когда её можно будет забрать? – от моих брошенных вопросов доктор замер. Медленно поднял на меня обескураженные глаза в непонимании.

– Вы в своем уме вообще? Извините, возможно, Вы до конца не поняли её диагноз? – начал ехидно подначивать меня со злостью в голосе.

Перебил его, не дав слова больше вставить.

– Я понял! Поэтому и спрашиваю.

– Нет! Если бы поняли, о чем речь, Вы бы такие глупые вопросы не задавали. Ну что ж. – Прищурившись, он обводил мое лицо и о чем-то лихорадочно соображал.

Стоит ли мне говорить? Нет! Заслуживаю ли я знать правду? Тот ли я человек, который пойдет до конца, до победного? Выдержу ли я испытания?

– У неё перелом позвонка. Она не сможет ходить, сидеть, возможно, потеряна чувствительность в руках. Об этом мы узнаем, когда она придет в себя. А главное, ко всему прочему – она не может говорить. День, а может, два, а может, и пару месяцев. А бывает и такое, что голос просто не возвращается. Никогда. Если мы восстановим голос, то, возможно, случится изменение речевого звучания, тональности.

Я не должен был в данный момент об этом думать. Я имел права. Но я совру, если скажу, что не рад сложившейся ситуации – что она не сможет некоторое время говорить. Я знаю её и её характер – больница бы стояла на ушах!

– Вы в этом находите что-то смешное? – донесся до моих ушей недоуменный с упреком вопрос.

– Нет.

– Нет? Хм... ну, тогда слушайте дальше. Два месяца она будет тут, это при хорошем раскладе. Шесть месяцев – при плохом. После – реабилитация.

– А сейчас это не реабилитация разве?

Артур Азарович страдальчески выпустил воздух из себя и отвернулся в сторону. Хмурил брови, говоря всем видом о

том, как же можно быть таким редкостным дебилом.

– Сейчас восстановление. Она будет сращивать кости. Если Вы берете на себя груз ответственности в виде неё, то... – заглянул мне в глаза проникновенно, – это будет очень и очень долго. Очень дорого и психологически сложно. Мы не знаем, что последует после того, когда она все узнает. Для каждого очень сложно смириться с такой участью.

Я знаю дальнейшие последствия, когда для нее все откроется.

– Завязывайте, доктор, меня «лечить». Понял, не дурак. Я никуда не денусь.

От его слов боль в груди разливалась кислотным ядом, отравляя мой мозг и внутренности. Я знал, на что шел. Знал, что меня ждет. Но я совсем не готов к её реакции, когда она все просечет о своем положении. Я дико желал в этот момент находиться на другой планете. Подальше от нее полуманной. От её душераздирающих больных глаз, которые будут меня каждый раз прожигать в немом укор.

Развернулся и поплелся к ней, решая с этой секунды, что, не смотря ни на что, буду рядом с ней. Чтобы ни случилось, и как бы она себя ни вела, постараться вытянуть её из холодной беспросветной пропасти.

Когда-то я уже так попал впросак. Обманулся, считая, что девчонка ничего не стоит. Она, глупая, не подумав напала, чтобы спиздить бабки. Однажды хрупкая девочка смогла своим видом ввести меня в заблуждение. Обвести вокруг

пальца. Но теперь я буду более осмотрителен. Теперь я хотя бы осознаю её ценность для себя. Осознаю, кто она и на что способна. На этот раз постараюсь сберечь её и себя. Нужно что-то менять... что-то решать.

Прикрыл за собой дверь палаты, не решаясь кинуть взгляд на неё. Смотрит? Спит?

Тяжело дыша, смотрел на свою сжимающуюся руку на стальной ручке двери. Неторопливо поднимал взгляд по белому полотну, утыкаясь в точку напротив себя.

Сейчас? Сейчас ли все поменяется? Или завтра? Или когда она восстановится, Тим? А может... может, и вовсе никогда? Ты же каждый раз видел, как ее глаза горят ненавистью к тебе. Удушающей, неизгладимой ненавистью, которая готова смести все на своем пути. Которая может оставить очередные болезненные раны внутри. Она тебя ненавидит и не только. Презирает! Презирает за все, что посмел с ней сотворить.

А теперь... теперь ты не только виноват в гибели родителей, но и в том положении, в котором находится сейчас она.

Что ты за падаль такая?

Прикрыл глаза и, не мешкая больше ни секунды, развернулся к ней. Словно и не приходила в себя. Словно не происходило с ней того кошмара, что случился десять минут назад. Восковая неподвижная кукла. Ни жива и ни мертва. Гуляет где-то посреди той значимой черты.

Преодолев в два шага палату, оказываюсь около её крова-

ти. Низко нагнулся к её лицу, как проделывал это каждую ночь, пока она была рядом. Была со мной.

Когда? Когда же ты успела все разворошить во мне?

Прикоснулся подушечками пальцев к лицу и отправился в путь по гладкой молочной коже.

Когда? Когда увидел в первый раз? Или когда увидел на дороге, практически мертвую?

Но внутренний голос упорно твердил, что с первой встречи.

Наверное... наверное это правда. Я за долгое время что-то ощутил к чужому человеку. Сколько лет это ж прошло? И было ли такое когда-то? Как после такого я могу тебя потерять? А, девочка? У тебя есть ответы на мои вопросы?

Провел пальцами по её губам, ощущая, как что-то ворочается в солнечном сплетении от незамысловатого движения.

Нееет... теперь точно неет. Не отпущу тебя. Обещаю, я во всем разберусь. Не только в том, что с тобой вытворяли, но и найду того, кто тебя сбил. Не только поставлю на ноги, но и вдохну в тебя жизнь. Иначе. Не как в прошлый раз.

Я постараюсь, милая. Не умею, но обещаю, я научусь. Я буду пытаться, только не убегай от меня, прошу.

В голове чертова неразбериха, но одна зудящая, ясная фраза не дает мне покоя. Она и есть мой второй шанс. Кто-то или что-то дал нам второй шанс. И ты будешь дураком, если не используешь его, Тим.

От моих касаний черные ресницы затрепетали, а глаза под

веками завращались. Словно пытается открыть их и увидеть свет.

– Я тут. Открывай глаза, – прошептал ей тихо, обдавая лицо теплым дыханием.

Медленно, с трудом разлепила веки и плавающими глазами ни на чем не задерживала взгляд. Разулыбался, когда встретил прозрачный цвет глаз. Полюбившийся за последние три недели цвет.

Но, то ли не выдержав света в палате, то ли то, что до конца не пришла в себя, вновь прикрыла веки.

– Слышишь меня? Ты молодец, сильная. Справилась. Все будет хорошо, я обещаю. Откроешь еще раз глазки? – и в подтверждение моих слов, что это не мой глюк, что она и вправду пришла в себя, вновь приоткрыла глаза, как слепой котенок.

Расфокусированным взглядом перемещалась по палате, ни разу еще не взглянув на меня. Наблюдая за её реакцией, радуясь тому, что она в сознании, понял, что здесь и сейчас совершил жадный спасительный глоток.

Теперь ты рядом, девочка...

– Посмотри на меня.

Отчего-то хотел поймать ее цвет глаз на себе. Ощутить их воздействие внутри себя, когда зачарованно смотрел в них. Когда завораживали меня своей неестественной прозрачной хрустальностью.

Усмехнулся лукаво, когда получил желаемое. Не с пер-

вого раза и даже не со второго. Пытаясь на мне остановить взгляд, прикрывала их пару раз. Словно ей что-то мешало видеть, настроить картинку.

– Отдыхай. Тебе нужны силы. Я буду с тобой. Ничего и никого не бойся, милая. – Прошептал ей в губы, исподлобья смотря в её закрытые глаза.

Неспешно обдал ее дыханием, но в последний миг, одумавшись, приподнялся и поцеловал в лоб.

– Спи. Я жду тебя...

Чича

Первый взмах ресниц и ощущение, словно я... А где я? Какого черта кучка размытых придурковатых идиотов надо мной столпились и заглядывают выжидательно мне в глаза? Что за очередной глупый сон?

Боже-е-е... что с моими глазами?

Прикрыла веки от жуткого слепящего света или... солнца? Не сильно задумывалась об этих мелочах, потому что острая резь раздражала глаза, вызывая слезные спазмы.

Не знаю, сколько прошло времени после того, как прикрыла глаза, но меня словно что-то потянуло из спокойного, безмятежного сна. Голос... это был мужской голос. Даже сквозь шум в ушах я разобрала, что он бархатный, растекающийся, с хрипотцой.

Так сильно захотелось, чтобы не останавливался, продолжал говорить что-то невнятное. Понятное только ему. Он словно укачивал меня им. Баюкал на теплых волнах, согре-

тых палящим солнцем. Как же приятно...

Открой глаза! Открывай и посмотри, кому он принадлежит. А это было трудно! Ты точно спишь, иначе, что за чертовщина?!

С невероятным усилием продрала глаза. Мне словно засыпали в них песка, а тело так вообще не слушалось. Ужасная слабость растекалась во мне, но вперемешку с этим, сплеталась с тем бархатом, который лился рядом со мной.

Сверху нависал темный силуэт мужчины, но очертания были такими неточными, расплывчатыми, что при всем своем желании не смогла бы его рассмотреть. Последние силы покидали меня, но прежде, чем провалиться в сон, увидела перед собой полные влажные губы, на которых играла обаятельная, плутовская усмешка.

Этот человек с красивыми губами и есть хозяин того красивого голоса, который пробирается иглами под кожу? Дааа, отстранено подумалось мне. Иначе, откуда сейчас доносится этот хриплый шепот надо мной:

– Спи. Я жду тебя...

Ну, вот!

Я оказалась права. Я сплю! Как тогда объяснить это странное состояние, словно я парю высоко в облаках? Такая неведомость, словно я пушинка. Ни-че-го не чувствую... Как же прекрассссно...

Тимур

Уснула маленькая. Ничего не поняла и не осознала. К луч-

шему? Пускай только не сейчас, а лучше – никогда...

Соприкоснулся с ней лбами и неотрывно смотрел на подрагивающие веки. Не глядя, двинулся рукой под её простыню, находя хрупкую руку, заключая в свою широкую ладонь.

Смотрел на невозмутимо-мирное личико и нервно накидывал варианты, как доставить ей минимум боли. Как направить ее в нужное русло, чтобы не забивала свой мозг всякой чушью. Так, чтобы не причинила себе большой вред. Эта ведь ненормальная без тормозов сможет. Выведет кого угодно. Даже мертвого. Даже, если не сможет говорить. Ну, доктор, я тебе не завидую.

Усмехнулся без наигранности, радостно. Предвкушая очередное мозгоебство от этой с виду маленькой, изящной девочки.

– А эта девочка питается только человеческой кровью. Весь мозг мне сожрешь, как только придешь в себя. Да, милая? – соприкасаясь с ней лбами, надавил большим пальцем на её губы, открывая их.

– Что же в тебе такого? М? – учащенно дыша, глухо вымолвил. Сердце оголтело колотится об ребра, а губы от нетерпения зудят.

– Не дашь же? Не позволишь? С тем готова была, а со мной – нет...

Ну, так я тогда сам возьму то, что хочу.

Провел горячим языком по сочным губам, пытаюсь распробовать её вкус. Бессознательно, в какой-то на доли секунд

отключке, закатил глаза от удовольствия. Приник сильнее к губам, перебирая то верхнюю, то нижнюю. Подхватывая по очередности каждую, всасывая в себя, покусывая, посасывая.

Вздрогнула от моих движений, чем призвала прийти в себя, успокоиться, включить мозг.

Тяжело дыша, обдавая её губы горячим дыханием, смотрел отчего-то дикими глазами на неё. Мало!

– Это все? Все, что дашь мне? – в коматозном состоянии наклонился, и словно хотел примериться к ней губами. Во-дил по ним, задевал кончиком языка. И в данный миг мне этого было так чертовски мало. Я хотел её. Я завелся.

Вот так, Тим... Захотел ту телку, о которой и помыслить не мог. В первый раз что-то всколыхнулось после первого секса. Спустя двадцать лет.

Не всколыхнулось, а загорелось! Загорелось так, что, когда в первый раз попробовав и узнав, что такое секс, не почувствовал и доли того, что подарила сейчас эта девчонка.

Выпрямился в полный рост и только сейчас ощутил дикий дискомфорт в штанах. Облизал свои губы, ощущая её вкус. Сладость персика и щепотка карамели так и манили меня снова попробовать их, вкусить, облизать.

Сглотнул громко, заколдованно не отрывая взгляд от её розовых губ, которые терзал пару секунд назад.

– Лучше выйди сейчас. Это только все усугубит. А если узнает, то в этот раз точно зарежет тебя.

Но перед соблазном тяжело устоять.

Прежде чем выйти, большим пальцем провел по обеим её губам, зачерпывая оставшуюся блестящую влагу. Облизал его, неотрывно смотря ей в лицо.

Зря! Зря попробовал! Ведь захочешь. Снова захочешь её. Болезненные мысли выжигали мозг, когда поспешно отдалялся от нее.

Вечер следующего дня. Тимур.

Стоял посреди палаты напряженный. Весь натянут, как струна, со сложенными руками на груди. Прищуривая глаза, с опаской следил за тем, как хирург молча стоит около датчика, переписывая её данные в медицинскую карту. А у меня от его вида спокойного, от того, что девчонка больше ни разу так и не пришла в себя, внутри все кипит. Обжигает, блядь! Полыхает так, что мне их отделение хочется разнести в щепки.

– Почему она больше ни разу не пришла в себя? Она ведь вчера очнулась! А сейчас, словно опять в коме. Один признак, что жива – её ебанные хрипы!

От моего мата спина доктора напряглась, но он постарался, как я понял, не придавать этому значения. Наверное, наконец-то дошло, что ничего не изменится, пока я отсюда не свалю. С ней! Дошло, что не наступит его рабочий покой, пока я нахожусь в этом здании, в её палате.

– Я вчера объяснил, что она постепенно будет приходить в себя. Кто-то быстро выходит из состояния комы, ко-

му-то требуется немного больше времени, – не поворачиваясь, спокойно проговорил мне.

– Немного больше – это сколько? – в нетерпении тут же задал вопрос.

Меня бесило его спокойствие. Хотелось его потрянуть, чтобы уже хоть что-то сделал.

– Не могу знать. Тут зависит от нее, от её организма, от её травмы, – развел руки в стороны, вновь не поворачиваясь ко мне. Ему в прикол так разговаривать? Или ему проще не видеть мою рожу?

Резко перевел глаза на неё, слыша, как через кислородную маску хрипит. Старается кашлять, но вырывается один жуткий хрип. Словно мужик с сорокалетним стажем курильщика.

– Почему у нее кашель такой?

– Из-за возвратного нерва. На вашем языке, из-за потери голоса.

Заломил бровь и опустил руки по швам. Уголки упрямо тянулись вверх от увиденного. Давай! Давай же!

– Видите?

– Вижу. Сильная девочка.

Плюнув на все, растянул губы в счастливой улыбке от его слов.

– Она такаая...

Усмехнулся озорно и подошел к ее больничной кровати. Взял за руку, крепко сжимая.

– Давай... давай, приходи в себя, – мое вмиг поменявшееся настроение полностью зависело от нее.

Пока прожигал спину докторишки, старался не упускать возможности смотреть на нее. Словно почувствовав, что достал её доктора, решила прийти ему на помощь. Хотя... где она и где её помощь окружающим. Усмехнулся.

Видно, с каким трудом ей дается заставить себя разлепить глаза. Она пытается, но глаза открываться не хотят. Даже я это вижу и чувствую.

– Ей рано. Она очень слаба. Нужно еще поспать и набраться сил.

– Она и в сознании наберется. Главное, чтобы не лежала так, словно... – не стал договаривать.

Но что делать, если так казалось? Так и думал. Стоило её увидеть неподвижную, бледную, под белой простыней, как перед глазами вставал образ матери.

Поморщился от того, как она зашлась в кашле. Но блядь, это не кашель, это словно предсмертный скрип.

Перевел ожесточенный взгляд на хирурга, но он, предугадав, о чем думаю, произнес сухо:

– Повторюсь, это нормально. И не надо на меня так смотреть. А тем более, пытаться мне угрожать!

Либо за ним кто-то стоит, либо он невменяемый. Нуу, в принципе такой доктор с ней справится. Я вот потираю руки в желании посмотреть на их войну. Ему я еще покажусь сущим ангелом.

Но я уже не обращал на него никакого внимания. От удивленного наклонился над ней, ловя её взгляд. Глаза то закатывались, то плавали. Не могла ни на чем сконцентрировать взгляд.

Выдохнул тяжело, ощущая, как от её метаний сдавливает грудную клетку. То ли еще будет, Тим. Готовься!

Пригладил аккуратно ее волосы, дожидаясь, когда сможет нас разглядеть.

Чича

Охренеть! Так я себя еще ни разу не чувствовала! По мне словно сто раз в одну и обратную сторону проехали катком. Что случилось?

Хотела нахмуриться, свести брови вместе, открыть глаза, но из всего получилось еле разлепить веки. Твою мать! Как больно!

Ощущала, как волнами подкатывают слезы и тошнота. Слезы от ебучего яркого света. Где я нахожусь, черт бы его побрал! Казалось, в камере для пыток. Где еще так ярко свет будет слепить?!

– У тебя получается. Давай еще раз! Попробуй еще раз открыть!

– Не торопите её. Пускай сама придет к этому.

Нет! О, Боже, нет! Умоляю!!! Только не его голос! Я же... я жеее сбееежала от него?!

Задышала глубоко, чувствуя, как мой мозг сужается до размеров моего любимого грецкого орешка. Я же... я же убе-

жала! А потом...

– Что с ней?! – оглушительно раздался грубый бас над моим ухом.

Твою ж, какого он так орет?! Еще и около моих ушей!

– С ней? С ней все хорошо, Тимур! Она приходит в себя, и мозг начинает в полной мере функционировать.

Нет! Прошу, только не его имя! Только не его голос! Только не он!

В одну секунду перед глазами яркая вспышка фар и шоколадные глаза Ризы. Он? Он сбил меня? Этот ублюдок сбил меня?

Не знаю, почему голос надо мной стал еще громче. А его тональность перебивал какой-то оглушающий писк чего-то противного, действующего на нервы. Выключите эту гребаную штуку!

– Открой глаза! Чича! Открывай глаза, немедленно! – жесткий приказ, нетерпящий возражений.

Как всегда! Как всегда командует мной, толстокожий мудака! Он ведь меня отпустил! Все! Я ведь избавилась от него.

– Я сейчас Вас выгоню из палаты. Я же попросил вчера, на нее нельзя давить!

– Ей плохо! Вы не видите? Её трясет, словно она в предсмертных конвульсиях! – прорычал человек, которого я больше не хотела бы видеть. Никогда.

Что этот придурак несет?! В каких конвульсиях?

Снова постаралась открыть глаза и высказать ему все, от

чего незамедлительно получила одобрительное:

– Молодец. Открывай!

Открыв, пару секунд старалась сосредоточить на чем-нибудь взгляд. Неизвестная мне комнатка вертелась, крутилась в разные стороны. Я вроде не пила, но отчего вертолеты? Со всем башка протекла что ли?

– Привет.

Перевела внимание на губы, которые источали голос и плавно подняла взгляд в его глаза.

Боже-е-е, что с ним случилось? На свете существует карма? И ему, наконец-то, за все воздалось?

Вид потрепанный, уставший. Отросшие волосы спадают на лоб, теряясь кончиками в длинных черных ресницах. Глаза, покрасневшие от лопнувших капилляров. Щетина уже переросла в бороду, делая его не только старше на пару лет, но и придавая больше жути его виду.

Да уж. Потрепанный, с горящим взглядом. Из-за меня, что ли? Мы же вчера виделись, когда борода успела отрасти? Хотела задать ему глупый вопрос, но меня что-то отвлекло.

Толком еще не успела сообразить, в чем дело, как почувствовала, что неосознанно меня сковывает невыносимая паника.

Нет... этого не может быть.

Тимур

Я мог до секунды уловить её настроение. Мог распознать взгляд и то, что сейчас ощущает. Наблюдал в замедленной

съёмке, как неподдельное удивление сменялось непониманием. Непониманием происходящего. А вскоре голубые глаза широко расширялись по мере её понимания, предчувствия. Наполнялись диким и холодным страхом. Страхом перед неизведанным.

В горле саднило от её потерянного взгляда. Побитого. Панического. То, что я и боялся увидеть в ней. Сломленность... Не только в глазах, но и в душе.

Зашевелила губами под кислородной маской, но то, что не могла вымолвить слова, и наружу вырывался устрашающий хрип, привело её в еще большую панику.

Пораженная, с минуту смотрела на меня невидящим взглядом, спрашивая, не снится ли ей это. Даже на какую-то долю секунды мне показалось, что между нами воцарился мир, спокойствие. Забыто о войне, о разногласиях.

Она так пронзительно мне заглядывала в глаза. С таким чувством. Словно и не было между нами ничего. Ни ссор, ни обид, ни рукоприкладства. Здесь и сейчас, в данную секунду она доверилась мне на сто процентов.

– Я тебе обещаю. Мы все сделаем. Все будет, как прежде.

Мне не стоило ей этого говорить. Она, сделав какие-то неправильные выводы, увидела только ей понятный в моих глазах вынесенный приговор.

Я прирос к месту. Не мог сделать ни одного движения. Разлепить рот и пошевелить языком, чтобы как-то привести её в порядок, утешить, что-то постараться сказать.

Я зачарованно смотрел, как слезы ручьем потекли с её хрустальных глаз, завораживая своей красотой и неестественностью.

И мне бы хоть слово ей сказать, но я в какой-то прострации прислонился к ней лбом, в желании хоть как-то облегчить её страдания. Внушить ей, что не брошу её больше. Не выкину за порог двери.

Но все мысли обрываются на истошном, диком мычании. Таком пронизывающем, что, казалось, слышала вся больница. Казалось, что прислонившись к ней, я быю ее разрядом тока. Дикий, наполненный горечью и крупными слезами вой.

– Мммммммм. Мгхмммммммммм.

Хочет вывернуться дугой, изогнуться от боли терзаний её души, но и это ей неподвластно. И снова очередное мычание, на которое она способна.

– Мммммммм... мммммммм.

– Обещаю... я тебе обещаю! – Прошептал в лицо, прикрыв веки.

Может, и понадобится много времени, чтобы она вновь стала прежней. Но я все равно этого добьюсь! Чего бы мне это ни стоило! И эту суку, что посмела сбить её и скрыться, я найду. И дай Бог ему к этому времени оказаться уже мертвецом на какой-нибудь свалке.

Глава 2

– Ей нужно успокоиться! Это очень плохо повлияет на её голосовые связки. Может усугубить возникшую проблему, – словно издалека доносился до моих ушей сухой тон. Чужой. Незнакомый мне.

Где я? Что произошло? Кто тот человек, которого не разглядела, но слышу его голос? А, главное, кто я? Что я теперь за существо такое?!

Ничто... я теперь ничто...

– Ммммммм... ммммммммм.

Хочется выть во весь голос. Орать во все горло до лопнувших перепонок. Раздирать глотку до болезненных спазмов. Хочу вывернуться из его объятий! Освободиться от столь непозволительно близких касаний! Отмыть себя от его дурманящего запаха, который забивается в ноздри и оставляет след на коже моего лица. Но не могу! Не могу пошевелиться. Не могу встать и убежать от него, как делала прежде!

Не скрыться от него! Где бы ни оказалась, чтобы ни случилось, везде он! Как наваждение! Как личный сталкер мой! Мое проклятье, за все совершенные грехи.

– Милая, прошу, успокойся. Ты же сама себе вредишь. – Прошептал этот ублюдок мне в ухо.

Одно его касание, горячее дыхание, пронизывающий взгляд, голос, пропитанный жалостью – всё это вызывает в

моем теле прилив омерзения.

Неприязнь! Омерзительность! Тошнотворность! Все эти чувства поглощают меня, сжирают, разъедают вместе с костями, как кислота.

Милая?! Никогда! Никогда, подонок, я не буду для тебя милой! После этого его обращения ко мне желала, чтобы выжгли это слово. Чтобы обратили в пепел все буквы, составляющие это выражение. Чтобы он сжирал свой язык всякий раз, когда посмеет мне сказать это в глаза.

Ну почееееему? Почему я не сдохла?! Почему так? Я даже еще не знаю ничего, но догадываюсь! Прошу! Прошу! Нет, умоляю, Господи! Хотя бы раз в жизни услышь меня! Вываю к тебе! Пусть они будут на месте! Ноги! Мои ноги! Почему я ничего не чувствую?!

Не слушая никого, не отдавая отчета их словам, взывала! Взывала в новом приступе, стараясь хоть как-то выплеснуть свою боль. Даже мне этот вой показался пронзающим, душе-раздирающим.

– Ммммммммм, – замычала громко и затряслась в истерике.

От невыплаканных слез, которые копились во мне всю жизнь. Казалось, именно для этого момента. Для этого момента я берегла их.

Всю мою душу выворачивало наизнанку от происходящего. Казалось, от сюрреалистического сна.

За что ж ты так со мной? За что ты меня так не полюбил?

Знал наперед, какая будет черная и гнилая моя душенька?

Слезы катились из прикрытых глаз. И в этот момент казалось, что в прозрачной влаге сверкает вся моя боль, вкладываемая в мою душу годами. Режет острым клинком от слез сетчатку, раздражая глаза еще больше до покраснения.

– Успокойся. Мы все тебе объясним. Слышишь? – внятно, и даже как-то грубо проговаривал мне Тим на ухо, но я не отреагировала ни на его хриплый голос, ни на то, как расползалась боль в моей груди, мгновенно почувствовав, как погружаюсь в пучину тьмы.

Да... там мне самое место. Там мне хорошо.

Не до конца придя в себя, плавающе, с усилием воли обглядывала комнату, в которой находилась. Не в его квартире, и слава богу. Палата... больничная палата. Теперь ясно, откуда был этот оглушительный звук.

Скосила глаза вниз на себя, и увидела кучу присоединенных к себе проводов, датчиков. Жуть!

Перевела внимание себе в ноги, и облегченно выдохнула. Видно. Ноги видно под тонкой белой накидкой. Не отрезали.

«Но это не означает, что ты теперь нормальная. Теперь ты – дефектная!».

– Пришла в себя? Надеюсь, истерики больше не последует?

Напряглась всем телом от его вкрадчивого голоса. Если так можно выразиться в моем случае. Но мозг судорожно

сжался от его приглушенных холодных ноток. От того, как, не видя его еще, почувствовала источаемую им власть и могущество. Неужели голос имеет столько цветов? Неужели, не смотря на тихую тональность, можно ТАК говорить? Вкладывать, передавать такие эмоции?

Я даже не заметила его. Стоял у окна, отвернутый от меня. Обращаясь ко мне, даже не соизволил повернуться. Чертов придурок! Ничтожество! Гори в аду! Если бы не ты! Если бы ты мне не встретился, всего это можно было избежать!

Стараясь хоть как-то собрать мысли в кучу и привести башку в порядок, скосила глаза за его спину в окно. Золотисто-оранжевый свет заката окрашивал красками горизонт. Заливал палату в красочный цвет.

– Я позову твоего доктора. И мы спокойно все обсудим. Сейчас!

Он наконец-то удостоил своим вниманием. Повернулся ко мне, пряча руки в карманы джинсов.

Одет, как молодой парнишка, а на лицо выглядит, как потрепанный бомж. Волосы, казалось, отрасли еще сильнее, и, судя по их виду, он запустил руку в них уже не раз.

Сколько я была в отключке?

Не заметила, как он тихо покинул мою палату, как вернулся обратно не один. Закрыла глаза в желании испариться, отключиться от внешнего мира. Никого из них не видеть. Остаться один на один сама с собой. Немного подумать и проанализировать, как, черт возьми, мне жить дальше!

– Здравствуйте, девушка. Простите, имени я вашего не знаю. И человек – ваш знакомый, не осведомлен!

Непроизвольно приподняла бровь и открыла глаза, ловя его безэмоциональный взгляд. Равнодушно пожал плечами, словно говоря: «имени твоего я и вправду не знаю».

Но мысли все притупились, стоило мне услышать врача, который начал рассказывать, что произошло со мной. Чего лишилась. Что ожидает теперь меня. Какая после всей трагедии может поджидать меня жизнь, даже если смогу вновь встать и ходить на своих двоих. Вернуть свой голос.

Сука. Если только поднимусь на ноги. Если! Я тебя выпотрошу, как последнюю свинью. Зарежу тебя, чечен. Этого я так не оставлю!

Услышав хлопок двери, разлепила веки, мгновенно ловя черный взгляд. Внимательный! Хочет разгадать мою реакцию на сказанное, мои дальнейшие действия.

А какая тут реакция? Что он хочет увидеть? Я и так, еще не слыша всего, обо всем догадалась. До сих пор от понимания всего не могла перевести дыхание, задыхалась.

Терпкое и горькое послевкусие осталось на языке после лекции врача. Словно это я все сказала. Словно это я закопала себя.

Такая знакомая холодная тишина разливалась между нами. Та, которая пронзает все тело, наполняя дрожью. Тишина, которая вселяет в меня благоговейный ужас. Тишина, которая заставляет кровеносный орган в панике оголтело бить-

ся.

Ненавидела его за то, что порабощает себе. За то, что от одного его взгляда колючего заставляет дрожать. Чувствовать! Бояться! Склонять голову перед ним! Заставляет сдаться, и не сметь противостоять ему! Только у него! Только у него так получалось! Только он так мог! И за это лютой ненавистью ненавидела его.

Прищурил опасно глаза и залип на мне какое-то время. Не отводила своих, побуждая его высказаться. Пусть! Пусть уже до конца добьёт! Пусть наживую сдерет оставшиеся лохмотья мяса, приросшего к костям.

Оказавшись рядом, поставил стул возле моей койки. Враждебно скосила на него взгляд, не тая ни одну из своих эмоций.

– Я тебе сейчас в общих чертах обрисую, что будет дальше! – сидя на стуле, подался ко мне, властно шепча.

Как же... конечно! Начинай! Теперь-то ты можешь творить все, что только пожелаешь. Но знай, сука, до поры до времени. Пока радуйся, сила на твоей стороне.

Чича, она всегда была на его стороне. Даже когда ты была целой и невредимой. Что ты, по сравнению с этим толстокожим бычарой?.

Шумно выпустила из себя воздух и иронично усмехнулась, глядя в его глаза. Даже если не могу говорить, даже если не могу ходить и не могу дать ему отпор, это не означает, что я буду безвольной рыбой! Даже у той же рыбы есть сво-

бода! Что бы ни сказал, не сломаешь меня! Уж точно не ты! Жизнь? Жизнь – сука, каждый раз нагибает меня раком! А ты? Ты заебешься!

Потеряла нить мыслей, когда услышала рядом тихий, неприятный мужской смех.

– Ты еще даже не знаешь, что я тебе скажу, а уже ненавистно испепеляешь меня глазами. А знаешь, – усмехнулся и откинулся на спинку стула. Широко расставил ноги, словно его яйца до колен и мешают ему нормально, по-человечески сесть. – Я рад! Рад, что ты молчишь.

Втянула в себя побольше воздуха и зажмурила глаза.

Успокойся! Он тебя выводит на эмоции. А как бы я рада была, если бы ты сдох, ну, или хотя бы исчез! Растворился из моей никчемной и убогой жизни.

– Прекрати! Я не издеваюсь. Я о другом хочу сказать. Мы, наконец-то, можем друг друга слышать. Я – спокойно высказаться, и не получить в ответ брань. Ты, возможно, понять, слышать. Тебе ведь все то время, что была у меня, главным было ответить. Отразить словом или действием. Ты никогда не задумывалась о смысле фраз, которые я тебе говорил.

Конечно! Проще говорить в одно рыло. Проще, когда тебе не могут ответить. Хотяя... для него всегда играло роль только его мнение и желание. И не важно, молчу я или говорю. Он всегда будет прав во всем. И это печально. Для таких, как он, существует одно главное – Я! Я хочу! Я решаю! Я

считаю! Я так сказал! Я, Я, Я, Я!!! Его эго родилось впереди него.

– Послушай! Посмотри на меня!

Вздохнула устало, но сделала то, чего он желал. Раз решила выслушать, значит, так тому и быть. – Я не хочу больше ссор, скандалов между нами. Ты можешь мне довериться? Я тебя в прошлый раз просил – не мешай! И все у тебя будет хорошо! Ну так с того момента ничего не поменялось. Я все сделаю, но ты вновь встанешь, заговоришь. Но один, без тебя, я не смогу в одиночку. Мне помощь твоя нужна. Тебе твоя помощь нужна.

Ядовито наградила взглядом. Мне даже со стороны на себя не нужно было смотреть, чтобы сказать, каким презрением остужаю его пыл.

Снова пожалел убогую и несчастную? Довериться? Кому? Тебе, что ли? Тебе? Ты в своем уме, долбоеб? Или у тебя память, как у рыбы? Ты хоть помнишь, как мы познакомились? Что ты делал и как обращался со мной, пока я была у тебя? Как в последнюю нашу встречу я летала в твоём кабинете?! Как в тот день опустила перед тобой голову, снося все?! В одном только желании, чтобы избавиться от тебя! Для чего? Для чего тогда я это сносила?

«И то, когда ты добилась освобождения, убегая, почувствовала сильную боль... из-за него!». Плевать! Секундное и ошибочное чувство! Ничего незначущее!

– Как же с тобой сложно. – Пробубнил измученно. Накло-

нился, упирая локти в колени и зарылся пятерней в волосы, что-то обдумывая.

Вела взглядом за его движениями в волосах, за его застывшим взглядом, за несвойственно бледным видом на смуглом лице. И как никогда сейчас захотелось схватить его за затылок и повырывать все волосы на башке. И не только! И бороду ошипать, как какого-то чванливого петуха!

– Я все равно сделаю. Даже если будешь противиться. Чич?

Сглотнула от его обращения. Никогда так не обращался. Никогда так не произносил мое имя. Всегда с угрозой, предостережением, дичайшим холодом. А тут... по-человечески, что ли. Виновато скользнул взглядом по мне, от того и поморщилась. Только не это! Он, вмиг разгадав, о чем думаю, произнес поспешно, громко:

– Да блядь, не жалею! Не жалею я тебя! Была бы другая, развернулся и ушел! Не пожалел бы! Не привел бы в свой дом насильно! Ты думаешь, я постоянно такой благотворительностью занимаюсь? Мне делать нехуй по-твоему? Но мне в первый раз в жизни захотелось помочь! Тебе! Понимаешь? Да, я ошибся! Да, я такой! Да, накосячил! Но я о том и толкую тебе. Дай шанс исправить всё. Дай помочь!

Смотрела на него во все глаза. Что он несет?

– Я всю жизнь к людям так относился.

Не отрывали взгляд друг от друга. Он словно исповедуется, а я и рада. Я ведусь! Но он в эту секунду такой настоящий.

– Кроме родных. Они для меня – все!

Ну, в этом я успела на своей шкуре убедиться.

– Ты первая. Первая, перед кем показал себя. Не у тебя одной куча проблем. Не у тебя одной жизнь не сахар. Не только ты можешь себя вести, как тебе того захочется, заблагорассудится. У всех есть две стороны. Черная и белая. Ты познакомилась с моей черной. Давай теперь с белой, а? – пытливо уставился на меня, словно после его слезливого монолога у меня появится голос.

– Согласна?

Согласна ли я? Возможно, я могла бы понять его. Возможно... Вот в этом вся суть. Не зная его с той стороны, которую знала, не помня, что между нами было – возможно, согласилась бы.

Откровенно, я его боюсь. Он страшен. Страшен в том гневе, с которым он со мной расправлялся у себя в кабинете. Я ведь чувствовала его леденящее нутро, которое каждый раз иглами пронзало меня, стоило открыть мне рот или что-то сделать не так. Я как собачка на повадке, а он – мой хозяин. Я как марионетка в руках кукловода. Жертва в руках психа.

Я не желала с ним находиться ни тогда, не сейчас, ничего не поменялось за это время. В таком состоянии, в котором я нахожусь сейчас, оказаться в его лапах, означает пойти на верную смерть. Я не знаю, что этот псих может выкинуть через пару минут. А врач что-то говорил от двух месяцев до двух лет.

«А кому ты нужна? Кто тебе поможет? Что с тобой будет, и где ты окажешься после больницы?». На свалке... живым трупом. А жить так сильно хочется.

— У тебя нет никого. Нет денег. Нет жилья. Ни-че-го. Может, пора отключить свою гордость и хоть раз подумать башкой, что будет с тобой?! А сказать, что будет? Сказать, что, стоит оказаться тебе в какой-нибудь помойной яме обездвиженной, тебя будут ебать во все щели все, кому ни попадя?! — рявкнул на все палату.

С каждой своей фразой заводился сильнее. Повышал звучание и резкость в голосе. Словно знал, о чем думаю. Воспроизводил все мои мысли. Констатировал очевидные вещи. Словно срывал пластырь с незаживающей раны. Не церемонясь, обнажал всю суть. Каждое рычащее слово, как оплеуха, подчеркивало, какое я ничтожество.

Я о том и говорю: с тобой рядом нельзя находиться. Ты неадекватен. Неадекватнее меня! Но, я рада развеять мысли о том, что не пожалел меня. Жалостью отнюдь тут не пахнет. И на том спасибо, Тим...

Прикрыла веки, ловя за хвост одну мысль из многочисленных, крутящихся в башке.

Не так давно я оказалось права. Я сломалась. Вновь сломалась, как когда-то в свои четырнадцать лет. Только сейчас — окончательно и бесповоротно. К тому же, очутилась безвольной и никчемной в лапах больного психопата. Помнится, чего не так давно очень сильно опасалась.

Почему так сложно? Почему всю жизнь? Не какой-то отрезок выделенного времени, а всю, мать его за ногу, жизнь?! Испытание за испытанием... Практически все время приспособливаться к окружающей меня гнили. Все время задыхаться от происходящего со мной. Каждый раз погружаться на черное дно, где нет ни единого просвета. И вновь вскарабкиваться наверх. Из раза в раз. Из дня в день. Из года в год. За какие грехи я отвечаю с детства? Как мне было нужно нагрешить в прошлой жизни?

Практически умерла... практически. Но, к сожалению, недостаточно. Авария, клиническая смерть, остановка сердца. Туда за черту сделала шаг, как засосало в болото. Та грань между мирами перемолола и выплюнула меня, как испорченный материал, как пластмасску. Вся жизнь дерьмо, но и этого ей показалось мало.

Как там говорят? «Бог дает человеку столько испытаний, сколько он может вынести»? Так вот... я больше не хочу, не могу. Если существуешь, услышь! Не могу я больше выдерживать все дерьмо, которое ты посылаешь на мои плечи. Устала я... больше не могу.

Стоит ли считать, что это конечная точка моих проблем? Наказание, за все совершенное мной? За убийство больного подонка? Стоит ли надеяться, что этой болезнью искуплю все грехи и отмую свое чернеющее нутро?

Столько вопросов, и ни одного нужного ответа. Но одно знаю точно – если не он, то больше никто не поможет. Только

он у меня... или я у него.

Открыла влажные от раздирающих душу мыслей глаза. От безвыходности, которая загнала меня в тупик. От молчаливого согласия, которое взглядом ему показываю. От предвкушающих искр в черных глазах, которые полыхают огнем.

Сбежав от одного больного ублюдка, ты попала к другому. Могущественному, красивому, богатому и до ужаса холодному. Участь твоя, наверное, такая, Чича. Быть жертвой. Упрямишься, пыхтишь, надрываешь пуп всю жизнь. А эта самая жизнь нагибает тебя и, потешаясь, смотрит в твое очко.

Вердикт – жертва! А на каждую жертву найдется свой палач. Мой, к сожалению, сидит сейчас напротив.

– Не пожалеешь, обещаю! – протянул медленно по слогам, улыбаясь, как психопат.

Удачи, Чича! В этот раз игра сложнее будет.

Глава 3

Молодой человек спросил профессора:

– Сэр, зло существует?

Профессор ответил очень неуверенно:

– Конечно, как я уже сказал. Мы видим его каждый день.

Жестокость между людьми, множество преступлений и насилия по всему миру. Эти примеры являются ничем иным, как проявлением зла.

На это студент ответил:

– Зла не существует, сэр, или, по крайней мере, его не существует для него самого. Зло – это просто отсутствие Бога. Оно похоже на темноту и холод – слово, созданное человеком, чтобы описать отсутствие Бога. Бог не создавал зла. Зло – это не вера или любовь, которые существуют, как свет и тепло. Зло – это результат отсутствия в сердце человека Божественной любви. Это вроде холода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, которая наступает, когда нет света.

Профессор был посрамлен. Имя студента – Альберт Эйнштейн.

Чича

Примерно не могла сообразить, сколько уже времени пялилась расширенными глазами в побеленный потолок. Кажется, он гипнотизировал меня своей белизной, ровностью,

высасывал все скверные мысли, которые таились в темных уголках башки и души. До черных летающих мушек перед глазами глядела напротив себя, и не могла отвести взгляд.

Так и с ума сойти можно. Я словно оказалась не в реанимации, а в психиатрической больнице. Неподвижно, молча лежать круглые сутки на больничной койке и пялиться в потолок не было мочи. Для полного сумасшествия и потери себя осталось только начать плевать.

Я ведь так сильно хотела, чтобы после всего он ушел. Оставил меня ненадолго одну. Наконец-то дал подумать и привести все мысли в порядок. Я понимала, на что согласилась, но я не хотела и не собиралась проводить сутки напролет с ним рядом. Тем более, в одной палате! Слушать, как он с особой нежностью и параноидальным мазохизмом клюёт мой мозг, было каждый раз невыносимо.

После вчерашнего моего согласия ему я дала себе зарок, что следующая моя попытка избавиться от него увенчается успехом. А чтобы избавиться от него, мне, как минимум, для начала нужно встать на ноги. Со вчерашнего вечера я включила режим «холодный расчет». Он хочет помочь, я принимаю вынужденно эту самую помощь, о которой вся моя душа вопит: Она тебе ни в одно место не усралась!

Чича, как ты уйдешь от него? Он ушел примерно пару часов назад... неужели ты уже соскучилась, неужели тебе без него плохо?

Нет! Я только буду рада, если эта сволочь провалится

сквозь землю где-то по дороге. Чтобы больше его проклятую рожу никогда не наблюдать.

Какая же ты лгунья, Чича... Оказывается, ты жалкое существо не только по своему нынешнему образу и подобию, но и трусливое животное, которое дрожит от страха, чтобы признать истинную суть своих мыслей. Ты скучаешь! Ты не хочешь, чтобы он покидал тебя! Он нужен тебе! Признайся, слабовольная дрянь!.

Закройся! Закрой свою пасть! Замолчииии! Не смей... не смей навязывать то, чего на самом деле не существует!

Я ни-ког-да не буду по нему скучать! Никогда! Он для меня ничтожество! Даже для такой, как я. Ничтожество! Он не заслуживает к себе хорошего отношения. Ни один мужик не заслуживает!

Не покидал МЕНЯ? Нужен МНЕ?! ХА-ХА-ХА.

Возможно – да! Нужен! Но только, чтобы получить от него выгоду. У меня свои интересы. И только ему подвластно их воплотить.

Да, возможно, я хочу, чтобы он не покидал меня! Так я в этой проклятой клинике, возможно, не сойду с ума! Так хоть какой-то толк от него, хотя бы жужжит над ухом. Так хотя бы он поблизости со мной. Боже, как люди так могут лежать? Как не иметь возможности говорить всю жизнь? Как? За что такая кара? Сейчас я самый натуральнейший овощ. Получеловек. Полужива. Все как-то наполовину у меня.

Ночью, когда поулеглись немного чувства и эмоции, я по-

няла, что он был во всем прав. Я не имею права оказаться на улице в таком состоянии. Не могу отказаться от его помощи. Пренебречь его ценным предложением. Я не могу на данном этапе сдать. Просто отступить. Это будет означать, что я проиграла, сдалась. Всю жизнь бороться, и на этом пути споткнуться на очередной кочке и опустить руки. Не могла допустить той участи, которая меня поджидает на улице. Одно слово «насилие» внушает в меня неприкрытый липкий страх.

Для того, чтобы избежать этой участи, мне придется играть по его правилам. Видеть его каждый день. Слушать и делать то, что говорит. Жить, как скажет он. Как захочет он! Ведь получается, теперь он мой хозяин?! Я собственноручно отдала себя в лапы больного подонка?! Чича, Господи, ты собственноручно, будучи в здравии, отдала себя в рабство этому чокнутому!

Но выбора нет. Его просто нет! Только он... он единственный, кто сможет мне помочь. Если не он, я сдохну. А так... сдохну морально. Не страшно, проходили уже. Главное, время. Пройдет время, и он останется позади меня. И я похороню его глубоко в своей голове. Там, куда хода не будет даже мне.

Скосила обезумевший взгляд в сторону двери.

Запах его парфюма почувствовала за версту. Он еще не вошел в палату, но я знала, что он тут, рядом. Через пару секунд явит себя передо мной. Позабыв о том, что одной тут

невозможно находиться, начнет бесить меня с новой силой. От одной его наглой рожи хочется скривиться и стереть себе память.

Ненавижу уроды! Чтоб тебе... чтоб у тебя член отсох! Явно для тебя это будет весомой потерей. Как подружек своих будешь звать на потрахушки?

Тебя не туда понесло. О чем ты? Может, еще скажешь, что хочешь оказаться в его койке, на месте одной из его шаболд?.

Скривилась от мыслей и сжала зубы так сильно, что испугалась, что они сейчас раскрошатся во рту. Моя злость и ненависть к нему и к себе, которую в данную секунду чувствовала, грозила задушить меня сейчас.

Стоило только прикрыть веки, чтобы унять хоть как-то внутренний адский пожар, как дверь резко распахнулась. В палату влетел ураган по имени «виновник моего состояния».

Через силу разлепила глаза, тут же натыкаясь на него. Мой взгляд с неохотой, против моей воли, потянулся по его мускулистому, натренированному телу. Волна предательских мурашек побежала по шее и рукам.

Невидимой тенью, но не прячась от людских глаз, за этим... мужчиной тянулся шлейф всевластия, всемогущества, превосходства.

Моргнула пару раз и громко сглотнула, когда по палате растекся мужской голос с хрипотцой.

– Привет! Не долго я?

Стоя на расстоянии от меня, так пронзительно смотрел

мне прямо в глаза. Серьезный, отчего-то взвинченный. Снова какие-то проблемы с родными? Казалось, только они и могут вызвать всполохи каких-то чувств в этом бесчувственном. Но в следующий момент задержала дыхание от его вида. Захотелось сжать кулак до хруста, чтобы очнуться, привести себя в чувства.

Нет! Это что, черт возьми, снова со мной происходит?! Все же прошло! Прошло!

Весь мой организм и мозг взбунтовались, когда я увидела, что он не выдержал и расплылся в проклятой улыбке. Белоснежная улыбка украсила смуглое посвежевшее лицо. Широкая улыбка! Он, прежде чем приехать сюда, выпил, что ли?

– Ну, дай хоть какой-нибудь знак.

Медленно двинулся ко мне. Нет. Не делай. Не подходи.

– Давай начнем хоть с чего-то?! Когда я спрашиваю, говорю, ты либо утвердительно моргай, либо издавай звук протеста, ну, или закрывай глаза на продолжительное время. Идет? – его голос пробирался под кожу, как тысяча иголок. Так сильно схоже с его характером, энергетикой, его личным холодом.

Не отрываясь, заглядывала в его черные глаза, которые, почему-то, в один момент оказались совсем рядом со мной. Непозволительно близко. На этот раз глубина его глаз горела чем-то незнакомым мне. Непонятным. Не могла уловить причину его задорного настроения, расшифровать, почему улыбка не покидает красивое лицо.

Он вызывал во мне разнообразные эмоции. Но... но то, что ощущаю сейчас, я хотела бы никогда не чувствовать. Не чувствовать к нему...

Затаив дыхание от его близости, от его вновь незнакомо-го мне вида, содрогнулась от нахлынувшего желания. Внутренности сжались от волны электричества, которое пронзило разрядами тока. Рвано и шумно выдохнула ему в губы, отчего словила промелькнувший удивленный блеск в чернеющих глазах.

Почему он так близко? – подумалось мне последним остатком мозга. Похоже, и его я скоро лишусь.

Я до одури хочу от него сбежать, скрыться! Вот сейчас соскочить с кровати и убежать отсюда далеко-далеко.

Ты хочешь его. Признайся себе уже, хочешь! Он привлекает тебя, как мужчина! Привлекает своей харизмой и силой! Ты никогда таких мужчин не встречала раньше! Ты всегда перед ним будешь заведомо в проигрыше.

Звучит пиздец глупо! Неужели я горазда на такие мысли? Встречала! Таких подонков, как он, я встречала много! А про проигрыш рано судить. Вот в конце нашей истории мы вынесем приговор – кто проигравший и слабое звено в нашей цепочке.

Что-то разглядев в моем взгляде и, слава Богу, неправильно истолковав, отступил на пару шагов, а потом и вовсе отдалился на приличное расстояние.

Да! Да, мне не помешает передышка. Что же это такое?

Почему, стоит ему оказаться так близко, мое тело предает меня, становится на его сторону, просится в его руки, желает почувствовать жар и ласки его широких ладоней?

– К тебе заходил врач? – кинул мне слова, не оборачиваясь ко мне.

А как я, по-твоему, должна тебе ответить, придурок? Говорить я не научилась еще!!!! А моргать? Кому? Спине твоей?! Дебиил...

Прищурилась настороженно, когда уловила суть.

Ах ты ж, сука! Да ты издеваешься! Значит, началось?

Его тело содрогалось в немом смехе. Он все прекрасно понимал. И даже не сомневаюсь – понимал, что я сейчас при этом ощущаю.

– Милая, я просто шучу. Успокойся. А то у меня мысли начали закрадываться в голову, что ты сейчас, как халк ко мне подлетишь и расправишься со мной за безобидную шутку, – посмеиваясь, иронично произнес, не поворачиваясь ко мне.

Зажмурила сильно глаза от его обращения. Я хотела выгнать это слово из памяти! Хотела потереть виски от усталости, от того, сколько раз мне еще стоит показать и сказать, чтобы не смел ко мне так обращаться.

Неторопливо стянул с себя спортивную джинсовую рубашку, отбрасывая ее небрежно на спинку стула. Остался в черной водолазке с горлом и в черных джинсах.

Странный стиль... Либо вижу в костюмах, либо в повсе-

дневной одежде, но строго во всем черном. Станный тип.

– Ну, так что? Приходил кто? – резко развернулся и пошел на меня. Не отрывал взгляд и выжидательно ждал моего ответа.

Что он там плел про знаки? Ммм... А!

Закрыла глаза и не открывала дольше, чем положено, отвечая отрицательно. Примерно за два часа никто не заходил. Очнулась от его тяжелой руки.

Бешено, молниеносно открыла глаза, пытаюсь дать понять, что если не уберет свою лапу...

– Ты почувствовала? – перебил мои мысли, протягивая с насмешкой вопрос.

Как я могу не почувствовать такую лапу? Как могу не почувствовать человека, которого совсем не желаю ощущать?

– Ты руки чувствуешь!

Что?

Потерялась от его медленных, завораживающих движений по моей руке. Большой палец скользил по внешней стороне, а остальные четыре по внутренней. Как бы обхватывая мою руку. С виду движения были нежные, дразнящие, но я не верила, что этот мужлан знает определение этим словам.

А ведь и правда! Я чувствую! Чувствую его касания! Чувствую, как его длинные пальцы оглаживают мое запястье и кисть, руку, поднимаясь по ней вверх. Я чувствую покалывание, тепло. Ощущение, словно два магнетика движутся параллельно друг другу на небольшом расстоянии.

Слава Богу, не все потеряно. Хотя бы с руками...

– Это очень хорошо. – Услышала издалека глухой голос.

Он так усердно гладил мою руку, что, казалось, важнее этого действия ничего не может быть. На мгновение показалось, что я далеко отсюда, но все развеялось, стоило ему обратиться ко мне:

– Чувствуешь? – приподнимая уголочек губ, кинул на меня лукавый взгляд.

Рваная челка спадает на лоб, кончики волос лезут в жгучие глаза. Побрился, но не подстригся. И от этого его вид вводит в некое заблуждение. Вроде, на первый взгляд молодой и беззаботный парень, но если хорошенько присмотреться, повадки его выдают. Колючие глаза, сильный характер, железная хватка, ленивые, но вместе с тем порывистые движения.

Утвердительно моргнула.

Чувствую. И руки свои, и, к сожалению, тебя. А еще, мне очень хочется пить, чтобы смочить горло, которое враз пересохло.

– Сейчас начнутся процедуры. Я прошу, давай все сделаем, как нас просят. Это для твоего блага. – Ему, судя по всему, проникновенного взгляда было недостаточно, ведь свою клешню переместил мне на щеку.

Я не знаю, как, черт возьми, это называется. Но с одной стороны, я хотела его разрубить топором на маленькие кусочки и разложить перед собой, как мясник. А с другой, это

было приятно. Так тепло, так нежно, так приятно. Прикасался ли ко мне кто-то с таким трепетом?

Что же это делается?!

Под ложечкой защекотало, словно что-то или кто-то проснулся и зажил своей жизнью. Затрепетал от восторга и горячей волны, словно щенок, виляя радостно хвостиком.

– Маленькийий...

Вздрогнула от распахнувшейся двери в палату и бодрого голоса.

– Здравствуйте! Здравствуйте! Ну, как Вы? Все хорошо? Кажется, это мой врач.

Нагло отодвинул Тимура от меня и занял его место. Теперь он добродушно заглядывал мне в глаза, выуживая ответы.

Скосила взгляд в сторону, где находился теперь Тим. Вбешенный! Что опять произошло? За доли секунды?! Заметила, как его бешенство подбирается к запредельной отметке. Прожигает профиль врача, и будь я проклята сейчас, если ошибаюсь, но в данную секунду он изрыгает все проклятия в адрес доктора.

Уже заинтересованно перевела внимание на хирурга и снова обратно. Мало того, что поймали мой взгляд, разгадали не только предвкушающий блеск, но и мысли. Опасно прищурился, предостерегая меня, от того и я теряю весь запал. Ладно, позже разберусь в этом.

– Так, ну, на датчиках все прекрасно...

– Она чувствует руки.

Тим вклинился в его речь, и от моих глаз не скрылось, что доктор явно был недоволен этим. Даже слегка поморщился от звучащего сбоку от него голоса.

– Это хорошо! Очень! Вчера ведь еще не было никакой чувствительности. Голубушка, надеюсь, вы не сочтете за наглость, если я посмею взять вашу ручку? – обращаясь ко мне, врач старался шутить и поднять мне настроение.

Приподняла уголок губ в улыбке и утвердительно моргнула.

– Спасибо!

А после видела, как вмиг лицо доктора превратилось в хищное. Приобрело жесткие черты, стоило только меня коснуться. Хмурил брови, когда ощупывал или надавливал на те или иные точки.

– Что-то не так? – не выдержал Тим, и в резкой форме поинтересовался у него. Нет, я тоже хочу все узнать, но, однако, не смогла сдержать усталый вздох от его реакции.

Врач на мое тихое и ничего не значащее возмущение хохотнул, будто немо поддерживая меня.

– Все очень хорошо. Пара дней, максимум неделя, и чувствительность в руках вернется полностью. Поздравляю! – бубнил себе под нос, не отрывая от меня ни взгляда, ни рук, а на последнем слове просиял и искренне поздравил.

Я постаралась все вложить в свой взгляд и выразить, как я ему благодарна за то, что спас мою шкуру. Вытащил с того

света. Тим ночью тихо рассказывал, что здесь происходило, и как этот доктор спасал меня и нервничал, когда остановилось мое сердце. Я, конечно же, делала вид, будто сплю и не слышу его, но на самом деле впитывала каждое его слово.

Возможно, врач в тот момент переживал только за свою шкуру, но это не меняет того, что он меня откачал, подарил еще мгновения жизни, хоть и никчемная она у меня.

Все правильно истолковав, доктор легонько кивнул и ласково улыбнулся.

– Вы долго будете еще лыбиться друг другу? – вибрируя от гнева, еле сдержанно бросил нам Тимур.

– Сейчас я уберу простыню. Мне нужно будет всю тебя проверить и выявить, есть ли хоть какие-то изменения на твоём теле. Оценить двигательную активность и положение. Проверить трубку катетера. Вскоре медсестры зайдут к тебе, чтобы провести личную гигиену.

Надсадно задышала, смотря на доктора расширенными глазами в ответ на его тираду. Тим должен выйти. Не должен видеть меня.

– Даже не думай! – услышала ответ на свои мысли.

Я даже боялась перевести взгляд на него, но он уже все понял.

– Тимур, выйдите. Она этого хочет. Я потом все вам скажу.

Сглотнула нервно.

Посмотрела на Тимура в упор, ловя знакомый едкий

взгляд. Он недоволен. Ему не нравится то, что я не желаю его сейчас тут видеть. Черная широкая взлет бровь презрительно изогнулась, как бы говоря: малыш, я все знаю, не делай нервы нам обоим, безрезультатно.

Теперь я смотрела на него пристально, в желании, чтобы он покинул палату. Старалась игнорировать его взгляд, поведение, напряженное тело, которое хочет снова накинуться на меня из-за непослушания. Признаюсь честно, было тяжело. Не каждый может выдержать нечто убийственное, тяжелое. От одной картинки его лица на моей шее будто стягивалась петля.

– Мне долго еще ждать? У меня на очереди еще десять пациентов.

Но этому мужлану все нипочем. Чихать он хотел на слова доктора. То, что произошло дальше, не просто повергло в шок меня и врача. Меня это выбило на некоторое время! Обескуражило! Еще ничего не успела понять, как он оказался около меня. Доктора благоразумно отодвинул в сторону, стараясь причинить ему минимум боли.

Мало того, что его близость сбивает с толку, так еще и возбуждающий запах вторгся в мои легкие.

– Я сказал, доверяй! Мы с тобой на одной стороне! Я говорю, что остаюсь, значит, я остаюсь! Если я говорю, что да, я согласен выйти, значит, я выйду! И это не пустой звук или потому, что так следует сделать. Потому что я так хочу! Все понятно?! – наклонившись надо мной, недовольно прожигал

меня взглядом и рычал в лицо. Он старался выплеснуть свое раздражение на меня.

Дня! Еще какого-то сраного дня не прошло, а он уже готов сорваться с цепи. Псих! Да что в этом такого? Может, я просто не хочу, чтобы видел меня голой?!

Но как оказалось, я ошибаюсь.

— Я давно все увидел! Знаю! Но об этом позже... Мы обязательно к этому вернемся, когда вновь заговоришь. А ты заговоришь, поверь. — Последнюю фразу прошептал с какой-то угрозой. Словно я должна заговорить только потому, что он хочет, только потому, что я должна буду исповедаться ему.

Когда? Когда этот долбаный ублюдок успел все увидеть? Что он вообще со мной делал в бессознательном состоянии?

Наверное, вся паника отразилась на моем лице, так как услышала его приглушенное:

— Ничего. Не посмел бы. Не думай о глупостях.

Как же он тонко чувствует меня, чувствует грань. Что-то вот вообще неуверенно он это произнес! И уже громче, для всех, для врача, который стоял позади нас и пялился на Тима, как на помешанного городского психа, произнес,

— Поэтому, так как все всё видели и все всё знают, приступим! — и резко сдернул с меня простынь на последнем слове.

Тварь! Ну что за тварь?! Смотрит, не отрываясь от моих глаз, ехидно, торжествующе, оттого что сделал так, как хотел он!

Всегда! Всегда будет только так, как он захочет, как ска-

жет! Ничего не изменится! И мир, воцарившийся между нами по его мнению, и его слова, что он изменится – все пустой звук.

– Артур Азарович, прошу. Чего застыли, как столб? – Показал приглашающе на мое тело, словно предлагал кусок мяса.

Я тебя придушу, гандон. Он ведь это специально делает! Специально, потому как посмела задеть его эго!

– Еще раз Вы позволите себе такое отношение к моему пациенту, и больше Вы сюда зайти не сможете!

Хотела рассмеяться от слов доктора, но взгляд непроизвольно зацепился за странную трубку.

Нахмурила брови и хотела приподнять голову, но нихрена у меня не вышло. Попытки это совершить оказались не только провальными, но и до жути болючими.

Закрыла глаза и набрала побольше воздуха. Нет, я сделаю это! И новая попытка хоть немного сдвинуть голову в бок.

– Я ничего не сделал. Просто немного подсказал ей правильный ответ. Чтобы в следующий раз она наверняка не сомневалась.

Еще немного. Еще! Мне казалось, я вся взмокла и выдохлась, чтобы сдвинуться на пару сантиметров.

– Я Вас предупредил! И еще! Мне это уже надоело делать! Последнее предупреждение!

Не обращая никакого внимания на их диалог, я во все глаза пялилась на то, что торчало с моего боку. Это что еще

блядь за хуйня такая?!!! Это что? Это мочаа?? Моя моча? У меня что, дырка в боку?

Из меня вырвался тихий и жалостливый всхлип. Я старалась блокировать все эмоции, но я не могла игнорировать ноющую боль в груди. Шарила взглядом по своему обнаженному, жалкому телу. По обездвиженным ногам, неестественно обмякшим, по изуродованному животу, груди, заторможенно-ватным рукам, по проколотому боку, из которого торчала страшная трубка с пакетом, судя по цвету жидкости в ней, мочи. От всей своей на данный миг беспомощности, от жуткого вида, от понимания, что мне всего лишь еще девятнадцать и я девчонка, разрыдалась, чем привела всех в себя и привлекла внимание к себе.

Рыдала, даваясь слезами. Здесь и сейчас ненавидела и жалела себя. Первый раз в жизни вот в таком состоянии я пожалела себя. Оказалось, для меня не была так страшна жизнь с наркоманами, алкашами, садистами, детдомовцами, бомжами. Для меня оказался неподвластным страх очутиться беззащитной, безвольной, безоружной, слабой и уязвленной.

– Что? Что случилось? Прости, больше не повторится! – очутившись около меня, Тим кричал, стараясь достучаться до меня сквозь очередной мой вой и неконтролируемую истерику.

– Отойдите! Отойдите, иначе мне придется ей сделать укол, чтобы успокоить. Для ее голоса опасно так надирать связки.

Тим отлетел от нас, давая возможность доктору привести меня в чувства. Я уже ничего не соображала и не различала от обильной влаги, которая застилала глаза, искажая картинку.

– Это не страшно! Слышите? Как можно к пациенту обращаться без имени?!

– Чича!

– Чича, хорошо, – несильно задумываясь, доктор начал частить. – Чича, это дренажный катетер. Ты была без сознания, в коме! А тебе нужно опорожняться. Как это сделать? Мы под общим наркозом провели операцию. Присоединили катетер к почечной лоханке, мешочек – так называемый мочеприемник. Как только сможешь двигаться, приподниматься, мы все снимем. Я тебе обещаю. Дырочка заживет, посмотри какая трубочка тоненькая. – Но я его не слышала. Мне хотелось скрыться от всех, сложиться напополам и выпустить всю боль из себя. Казалось, и года не хватит, чтобы это сделать. Когда же все прекратится?

– Мне придется вколоть успокоительное, простите... вам нельзя сейчас так напрягать связки.

– Ммммммммм, – с расширенными глазами завывала с новой силой.

Хотелось выгнуться дугой, словно я была связана. Но я была калекой! Дефектной калекой, которая не могла пошевелиться! Но, ко всему прочему, меня против моей воли сейчас начнут чем-то непонятным обкалывать. А рядом со мной

находится этот ненормальный! Что он делает со мной, когда я в отключке, одному только богу известно.

– Дайте я попробую.

Это наваждение! Я хожу под себя! Я сру и ссу под себя в мешочки?

Застыла, когда ощутила, как Тим прислонился к моему лбу. Заглядывал пронзительно в глаза, утягивая в свою черную бездну. Словно крутящаяся воронка, которая засасывает в себя, гипнотизирует, завораживает, обдает холодом, чтобы застыла, не шевелилась, успокоилась.

Губы почувствовали теплое дыхание, а до ушей, сквозь набитую вату, донесся надломленный голос:

– Я с тобой. Успокойся, милая моя. Все пройдет. Это пройдет. Благодарю всех, в кого веришь, что ты осталась живааа. Ты тут... – эти слова были пропитаны такой болью, такой душераздирающей горечью. Словно он передо мной открыл занавес своей души. – Ты еще дышишь воздухом, видишь свет, ощущаешь тепло, и только ради этого стоит бороться, выкарабкиваться наружу. Ты сильная, милая. Справишься. Пока это вынужденные меры. Пока так... потом будет лучше, легче. Слышишь, девочка? Очнись! – заколдованно смотрели друг другу в глаза. Он тянул слова, шепча, как ненормальный. Тихо, пронизывающе. – Пора! Меняй жизнь! Ни я, ни твой врач, никто тебе не поможет, если этого не захочешь ты! Ты ведь любишь бороться? – провел носом по моей скуле, и внутри меня все перевернулось пару раз.

Голова пустая, но сердце колотилось от его слов и от него самого сумасшедше быстро. Казалось, мы оба это ощущали. Казалось, тишина палаты впитывала именно биение моего сердца.

– Борись. Не смей расклеиваться, тебе это не к лицу. Если нужно выплакаться, плачь! Но я буду рядом! Будет плохо? Я буду рядом, поддержу, помогу, чем смогу! Но потом... потом поднимайся на ноги и иди дальше! И в этот момент я тоже буду рядом с тобой! Поняла? Ты не одна! Все хуйня! Главное, что ждет тебя впереди! А эти трубки, датчики, койки – хуйня. Маленький, но запоминающийся отрезок твоего времени. – Прошептал с чувством, прислоняясь ко мне лбом и носом. Наши губы находились в миллиметре друг от друга, обдавая каждого горячим, прерывистым дыханием.

Скосила глаза на мужские – четко очерченные, пухлые, и неосознанно облизнула свои. За секунду мужские отчего-то усмехнулись – дерзко, похабно, прежде чем настойчиво прижаться к моим. Прежде, чем впервые почувствовать вкус и касание. Прежде, чем я ощутила на своих первый свой поцелуй.

Глава 4

Чича

Скосила глаза на мужские губы – четко очерченные, пухлые, и неосознанно облизнула свои. За секунду мужские отчего-то усмехнулись – дерзко, похабно, прежде чем настойчиво прижаться к моим. Прежде, чем впервые почувствовать вкус и касание. Прежде, чем я ощутила на своих первый свой поцелуй.

Чувство беспомощности взяло надо мной верх. Темень его глаз заставила оцепенеть, не сметь противостоять его напору, неожиданному порыву.

Шокирующе, с неестественно расширенными глазами проваливалась в пучину его мрачной бездны. На задворках сознания ощущала – нет, не поцелуй – теплые и нежные касания. Влажные и колющие прикосновения к моим соленым от слез губам.

Друг другу глаза в глаза, обдавая прерывистым горячим дыханием, наполняя легкие друг друга своим личным персональным запахом. В тишине, украдкой, два чужих и в корне разных человека, словно незаконно украли этот миг у чертового мира.

Внутри резануло лезвием, распарывая жилы, пуская по организму адскую бурлящую кровь. Соблазн продолжить велик, но я не могла позволить своим чувствам такую роскошь.

Теперь я хотя бы перестану врать самой себе. Эти прикосновения многое расставили по своим местам. Да, я его хочу. Да, он меня жутко привлекает. Но я еще не потеряла все остатки разума, чтобы позволить этому сукиному сыну до конца меня унижить. Прикасаюсь ко мне, насмехаться надо мной и делать зависимой от него. Я ничего не забыла, и не забуду никогда. Ничего не перекроет его прошлых поступков, каким бы благодетелем он ни стал. Я прежде голову себе откручу, чем позволю этому ушлепку себя использовать.

Мозг бунтовал, но тело было с ним полностью не согласно. Мое тело принадлежало этому ублюдку. Оно всеми фибрами говорило, что выбрало себе своего хозяина, любовника.

Я же всеми силами сопротивлялась, противилась себе, боролась с собой, переубеждала себя. Но знаете, как, оказывается, это бывает трудно, когда не можешь шевелиться? Не можешь оттолкнуть, дать пощечину, схватить его за загривок и оттянуть от себя, не можешь элементарно отодвинуться от нежелательных объятий и поцелуев! Заорать, послать далеко и еще дальше. Жалкая амеба. Безвольное пресмыкающееся перед ним.

– Не дергайся! – приказ, нетерпящий возражений. Приглушенная интонация с низкой хрипотцой в голосе.

Оказывается, я все-таки издавала какие-то булькающие звуки в знак своего протеста. Но мне, как обычно, указали на мое место, приказывая выполнять все, как велит мой тиран. Тебе ведь нравится. Может, стоит распробовать это чув-

ство? Впервые получить наслаждение от мужчины? Один раз, Чича, расслабься и получи удовольствие. Вероятно, эта возможность дается тебе в первый и последний раз.

Прежде чем расслабиться в его руках и прикрыть глаза от наслаждения, от того, как потемнело перед глазами, различила его поменявшийся цвет глаз. Может, оттого и потемнело, что его глаза неестественно почернели. Может, из-за его цвета глаз в палате стало так зябко и мрачно?

«Как же ты его боишься... того, другого так не опасалась, как его».

Привел в себя его первобытный нечеловеческий рык, а после голодный язык вторгся в мой рот, словно в свои владения, словно имеет на то право, словно ему доставляет невыносимое удовольствием извиваться в танце с моим языком, кусать и облизывать мои губы, словно пещерный, словно вообще не человек, а похотливое животное.

Поздравляю, Чича, ты поцеловалась впервые, и с больным ублюдком, которого презираешь и ненавидишь всей душой. Который считал, что имеет право унижать тебя, бить и каждый раз втоптывать в грязь.

Может, ты такая же сумасшедшая? Ничем не лучше него? Ты же зарекалась, что в твоей жизни не будет ублюдков, похожих на Лёню! Похожих на всех уебков, которые смеют относиться к женщине, как к мусору!.

Не знаю, что отразилось на моем лице, или я смогла дать какой-то незначительный ему отпор, но, оторвавшись от ме-

ня, он с подозрением недовольно сверкнул на меня глазами. До секунды видела, как пляшущие чертики в черноте глаз уступали место морозному раздражению и ярости. Я не дура и распознала враз, что он готов тут все разнести. Как сильно кулаки сжимает до хруста оттого, как чешутся.

Усмехнулась, по-сучьи глядя в его глаза, и в замедленном действии, чтобы не пропустил ни единой манипуляции, повернула голову в противоположную от него сторону. Скривилась и сплюнула на пол его вкус и запах, который, кажется, въелся в меня намертво. Впечатался в мозг на всю оставшуюся жизнь. Неторопливо развернувшись обратно, преодолевая жжение в шее, рискнула взглянуть ему в глаза. Отчего-то в данную секунду в больные глаза.

Актер-пиздабол!

Получай, тварь! Не получится сыграть со мной в очередную свою игру. Не поведусь: пыталась всеми силами взглядом передать ему, о чем думала.

– Такая глупая еще, – прошептал, и неосознанно провел большим пальцем по моим губам. Словно действовал интуитивно.

Тяжело засопела, но он не обращал на меня никакого внимания. Пришлось попытаться хоть что-то вымолвить, но до ушей донесся страшный хрип.

– Не тужься. Угомонись. Увлекся, давно не трахался.

Ненавижу, мразь! Ненавижу тебя! За все, что говоришь! За все то, что заставляешь меня чувствовать!

Нас прервал громкий звонок его сотового. Проваливай! Съебись только отсюда! Съебись с моих глаз!

Тимур

Вот это меня накрыло...

Но я понял самую главную и простую вещь. Я за долгих пятнадцать лет впервые почувствовал, что вновь живу. Впервые за это время свободно задышал, выплыл на поверхность, хлебнув глоток реальной, наполненной жизни...

Говорил же, что зря попробовал её! Стоит теперь рядом с ней оказаться, как эти чертовы капризные губы манят к себе. Всем своим телом приковывает и завлекает меня. Взмалошная девчонка!

Мало того, что все время стояк в штанах рядом с ней, и это как-то приходится прятать, скрывать от её глаз, чтобы еще больше не напугать. Так теперь еще и каждый раз тело, как магнитом притягивается к ней в желании обнять, поцеловать, приласкать.

Она то как маленький колючий ежик, который попеременно ненавидит всех, готовая убить, то захлебывается от боли, которую послали на её долю.

Я прекрасно понял, что никакого мира между нами быть не может. Не с её стороны. Она живет в той боли и грязи, что случилась между нами. В той грязи, что произошла с ней до меня. Просто так не отпустит, не забудет, не начнет доверять, как простой беззаботный человек.

Видел, как ей управлял один только холодный расчет,

гнев. Выгода! Все, что она хочет с меня поиметь. Преследуя только свою выгоду! Ну, на её месте и я бы точно также сделал. Как ранее говорил – закон выживания. Девочка не глупа. Сделала вид, что приняла правила игры, но ведь обязательно им следовать, правда ведь?

На доли мгновения, когда целовал ее, показалось, что ей понравилось, что расслабилась девочка, доверилась мне, но это было так эфемерно и лишь на долю секунды осязаемо. Все ложь! Игры моего воображения! Нельзя было не уловить ее брезгливость и отвращение, когда после поцелуя сплюнула на пол, когда посмотрела убивающе в глаза.

Я старался с ней выработать линию поведения, которой буду придерживаться, находясь рядом с ней. Примиряюще, располагающе общаться, чтобы хоть как-то наладить наше с ней общение. Чтобы хоть как-то изменить её взгляд, направленный на меня. Чтобы не считала меня для себя самым опасным врагом.

Рад, что нас хоть кто-то прервал. Врач давно свалил с палаты. Я поддел двумя пальцами ее простыню, поднимая с пола, накидывая на нее, прикрывая ее обнаженное тело. Старался не смотреть ей в глаза, и так зная, какой взгляд встретит меня. Какие чувства плещутся в нем.

Девчонка полуживая, а я до сих пор думаю, как сильно хочется оказаться в ней. Смять руками и придавить собой её хрупкое, сочное тело.

Как вырвались изо рта те слова – ума не приложу! Потра-

хаться? Да! Потрахать с тобой, идиотка! Какого черта я решил сделать ей больно?! Указать на место? Показать, что ее не захочу?! Ничего лучше не придумав, решил растолковать свой поступок тем, что сперма ударила в мозги?

Ты редкостный долбоеб, Тим! Классно идешь с девчонкой на примирение!

Не глядя на дисплей, взял трезвонивший телефон. Был погружен глубоко в себя и ужасно раздражен. Старался стоять к ней спиной, чтобы не увидела внушительный бугор в области ширинки.

И что теперь делать? Снова дрочить?

– Да! Слушаю! – не сдержавшись от всех наполняющих эмоций, рывкнул в трубу.

– Эээмм... может я ошиблась? – протянул ехидно тоненький голосок.

Шумно выдохнул и уставился на носки своих кожаных кросс.

– Прости, Алин, я не посмотрел на имя звонившего.

На том конце приглушенно хохотнули, но как-то безрадостно. Устала?

– Алин? Все хорошо? На работе запара? С ребенком все хорошо? – начал тараторить, вмиг напрягаясь от ее безрадостного голоса. Насчет брата даже не буду интересоваться, и так все ясно.

– Нормально все. Я по делу, – свел брови к переносице. Что-то скрывает. – По поводу отчетов. И еще, тебе нужно па-

ру подписей поставить в некоторых договорах на поставки.

– Сегодня уже никак не получится, – задумчиво протянул и начал озираться по сторонам, шаря взглядом по безликим стенам.

Я больше не хочу её тут одну оставлять надолго. И так, пока переодевался и приводил себя в надлежащий вид, весь выебся и перенервничал, боясь, что этой идиотке придет в башку какая-нибудь бредовая мысль.

– Ничего не знаю. Нужны подписи сегодня. Заодно обсудим отчеты по Булавскому. У меня имеются некие сомнения на его счет. Можно наш траты урезать вдвое, – грубо кинула мне в ответ.

Усмехнулся ее цепкой хватке. В девчонке я не ошибся. Зря только время потеряла в своих ресторанах. Что бы она ни говорила, как бы ни отнекивалась, она любит свою профессиональную деятельность.

С неестественной скоростью мысли крутятся в голове, разбирая их на шестеренки. Другого выхода нет. Придется открыться. Может, когда брат узнает всю правду, соизволит ответить на мой звонок.

– Ладно. Жду тебя в больнице...

Чича

Каждый раз мой взгляд падал на его боковые мышцы пресса, хорошо очерченные под облегающей черной водолазкой. Говоря по сотовому, он бегал взглядом по палате, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. При этих его

незамысловатых, ничего не значащих движениях, мощные мышцы играли, еще больше привлекая мой взгляд. Вновь лишая меня каких-либо здравых мыслей в моей башке. От этой привлекательной картинки во рту скопилась вязкая слюна, мешающая сглотнуть. Губы до сих пор горели и пульсировали после его жадного поцелуя.

– Ладно. Жду тебя в больнице на Вострицова, 25. Позвони, как подъедешь, я тебя встречу.

Какого черта он ее сюда зовет?!

Испепеляла его ссутулившуюся фигуру. Следила за тем, как потирает устало переносицу, слушая её.

– Нет, все хорошо. Не переживай. Я жду тебя. – Скинул вызов, и с минуту смотрел в окно, где от выпавшей росы краски смазались в серый цвет.

Зачем нужно было ее сюда звать? Ну, свалил бы сам к ней! Зачем сюда? Чтобы увидела и потешилась над моим состоянием? Чтобы всем своим видом показала свое превосходство надо мной? А так оно и будет! Я все для этого сделала в последнюю нашу встречу.

В нашей до боли знакомой гробовой тишине раздался его приглушенный задумчивый голос. Стоял напротив окна, замороженно вглядываясь вдаль, словно что-то особенное увидел там.

– Не переживай. Я выйду к ней сам.

Но спустя тридцать минут, слыша доносившиеся возмущенные голоса в коридоре, усмехнулась.

Наверное, еще когда сказал, что выйдет к ней, я знала, что она так это не оставит. Не слушает его. Не успокоится, пока все не разузнает. Если этой девчонке взбредет что-то в голову, никто ей не помеха. Особенно эти братцы-кролики, которые души в ней не чают.

Устало прикрыла глаза, ощущая во рту привкус горечи.

Не устану посылать вопросы во вселенную. Почему кому-то всё, а кому-то ни-че-го?

– Тимур! Не держи меня за дуру! Говори, в какой она палате!

– Алин, давай ты не будешь тут так кричать?! Тут люди больные лежат. Ты сейчас всех на уши поднимешь.

– Я-то подниму! Быстро говори, где она! Иначе буду заходить в каждую палату! – на последней фразе злобно прошипела.

Они стояли рядом с дверью, ведущей в мою палату.

Я не хотела её видеть. Больше всего я боялась показаться перед ней немощной. Побитой собакой.

От глубоких мыслей не сразу сообразила, что я уже не одна. Услышала над собой учащенное дыхание и почувствовала вкусный, приятный запах шоколада. Разлепила глаза, когда ощутила на своей коже изящные тоненькие пальчики.

– Привет, сумасшедшая! – Смущенно улыбнулась девчонка, оглаживая мою щеку. Зеленые стеклянные глаза были влажные, не то от моего вида, не то они просто всегда были такими. – Что случилось? – пылливо смотрела мне в глаза.

– Алин, она голос на время потеряла.

Глаза напротив расширились, но на незначительные доли секунды. Она быстро взяла себя в руки. У меня даже сложилось впечатление, что мне это все почудилось.

– Авария. Серьезная.

– Вижу, Тимур.

Она начала оглядывать меня и все то, что находилось вокруг меня. Даже пеленку приподняла, которая накрывала меня, прикрывая обнаженное тело.

Засопела возмущенно. Что она себе позволяет? Я что, блядь, экспонат в музее? Что за ебанутая реакция?! Где вопли о том, как ей жалко меня, где слезы, как несправедливо со мной распорядилась судьба? Или она считает, что заслуженно? Я ведь явно пошатнула мир в её семье. А может, глаза её влажные совсем по другой причине?

Заметила, как нахмурилась, ведя по мне взглядом. По щеке, лицу, ключицам, а отодвинув простынку, прошлась по рукам.

Я прищурилась от того, как её зеленый взгляд наполнялся чем-то мне знакомым. Чем то неприятным, отталкивающим.

– А что еще произошло?

Этот вопрос, как гром среди ясного неба. Охренеть!

Не только я вздрогнула от её ледяного голоса, но и Тимур напрягся и вытянулся весь, как струна. Уставился на меня расширенными глазами. Кадык на горле дернулся, доказывая, что он занервничал. Тут-то и начала спадать с его лица

одна из личин хорошего парня. Быстро ты принял желаемое за действительное! Слишком быстро! Вот и тебе аукнется, будь здоров!

Нет, она все-таки хороша!

– Я же сказал, авария! – постарался безразлично и сухо произнести, но только я видела, как его глаза опасно сверкнули в мою сторону. В этот момент он посылал мне все сигналы, чтобы больше не смела причинять боль его близким.

Но, к сожалению, тут дело совершенно в другом. Он боится, что все узнают, какой он больной долбаешка! Боится увидеть в глазах близких разочарование в нем!

Алина покивала головой на его слова, словно соглашаясь. Но в данный момент она была не здесь. О чем-то лихорадочно думала. И отнюдь не о хорошем. В какой-то момент резко исподлобья уставилась мне в глаза, не отводя их. Немо разговаривая. Я в первый раз увидела такой ее серьезный взгляд. Такой взгляд не бывает у невинной овечки или золотой принцесски.

– Давай решим с документами. Ты же сказала по телефону, что это срочно.

Донесся до нас его голос. Но мы не отвели своих взглядов друг от друга. Не обратили на него никакого внимания. Мы оба поняли, что он пытается отвлечь её и выкрутиться.

– Знаешь, Тим, когда она мне намекнула в туалете первый раз, что ты ее избиваешь, я заткнула ей рот. Не по-ве-ри-ла... – тихо прошелестела, протягивая последнее слово по

слогам.

– Ерунду не носи. – На его рычание Алина запрокинула голову и тихо рассмеялась, но как-то надломлено, истерично.

Заходила рядом с моей койкой взад-вперед и начала бурчать себе под нос, шокирующе размахивая руками.

– Господи, я ведь еще в Казахстане почувствовала от тебя угрозу ни с того, ни с сего. Увидела промелькнувший холод в твоих глазах на мою безобидную шутку! Намек, что можешь поднять руку! Исходившую в тот миг от тебя опасность, агрессию!

– Остановись, что ты несешь?! Ты слышишь себя? Алина?! – подскочил к ней Тим в желании успокоить, обнять. Постараться переключить ее.

Я смотрела на них отстраненно, слушая вполуха. Это что получается, было такое, что и она его выводила? Или он на всех так кидается? Или у него не в порядке с варящим котелком?

– Не трожь меня! Не прикасайся! – она так глянула на него, что на какой-то миг мне стало его жаль. На незначительный миг.

Карма, все-таки, и тебя настигла. Для тебя это большой удар. Вон, как лицо побелело от реакции задыхающейся девочки.

– Я тебя умоляю, успокойся. Нельзя тебе...

Но, в насмешку ему, ее крупные слезы полились по ми-

ловидному лицу, затыкая ему рот. И, как в наказание, мои заструились в ответ, стекая по вискам. Я вообще с этой проклятой аварией почувствовала всё. Словно меня нужно было больно ударить, чтобы разбудить во мне хоть какие-то чувства сострадания к себе и к окружающим. Хоть немного сморгнуть пелену ненависти с глаз и осмотреться по сторонам.

– Как? Как вот ты, такой здоровый лоб, – обвела его рост своей рукой, – мог избивать эту девчонку?! Что она сделала тебе? Обозвала? Нагрубила? Сделала не по-твоему? Или тоже неудачно, как в свое время я, пошутила? А? Что из этого? – прокричала на последней фразе ему в лицо.

– Это следы от аварии. – Продолжал он стоять на своем, гневно цедя слова. Надеялся избежать своего наказания за содеянное.

– А ты, оказывается, трус.

Он дернулся, как от пощечины. Словно она ему это не сказала, а ударила хлыстом по губам.

– Вы оба! Ты и твой брат! Вы оба трусы! Имей совесть признаться! Я не дура, Тимур. Если не забыл, моя мать врач. Я с детства по больницам с ней таскалась. И могу различить гематомы от ударов и ушибы от аварии.

После ее слов он оцепенел, как изваяние и пошатываясь, застыл взглядом на одной точке.

Девчонка резко развернулась ко мне и быстро сократила дистанцию между нами.

– Я приду к тебе еще. Не будешь против? – я не знала, для чего, но легонько мотнула головой, имея ввиду «нет». – Улажу дела и приеду. Привезу чего-нибудь. Одежда нужна? – Моргнула утвердительно. – Хорошо.

Без лишних слов она развернулась и пошла на выход, не забыв кинуть какие-то бумаги ему на стол. Прежде, чем она вышла из палаты, в дверях ее догнал обреченный, испуганный голос:

– Отец всегда говорил нам с Русланом, умейте отвечать за свои слова и поступки. Ты права. Я поднимал на нее руку. И не раз. Я тебя прошу, не говори только брату.

Но, Алина не дослушав его, или поняв, что на этом от него больше ничего не последует, оглушительно хлопнула дверью уже с той стороны.

Как только девчонка скрылась из виду, он медленно осел на корточки, зарываясь в ладони.

Жалко ли мне его? Нет! Наверное, каждый сейчас понесет свое наказание, как бывает в долбанном кино.

Глава 5

Страх – хуже наказания. В наказании есть нечто определенное. Велико ли оно или мало, все лучше, чем неопределенность, чем нескончаемый ужас ожидания.

с. Стефан Цвейг.

Тимур

Как только донесся до ушей сотрясающий хлопок двери за Алиной, медленно осел на корточки, закрывая лицо ладонями.

Муторно! На душе муторно! Давящая боль от происходящего грузом оседала в грудной клетке. Это фиаско, мужик...

С каждым отдаляющимся шагом девчонки на душе становилось погано, скверно. словно тысяча когтистых лап пробралась в мое нутро. С каждым её шагом, отдаляющимся от этой ебучей больницы, ощущал, как внутри меня погасает маленькая свеча, которая еще толком не успела возродиться, загореться, дать жизнь нам обоим. С каждым ее движением нити доверия между нами рвались с оглушительным треском. Болезненная пульсация крови во всем моем теле дала в полной мере осознать, что я, как никогда, был прав в том, что если дорогие мне люди просят, что я натворил, они сразу поймут, что за пададь рядом с ними.

Этот её взгляд... вместо тысячи признаний и слов. Каждая эмоция в зеленых глазах была наотмашь розгами по те-

лу за все содеянное. Её отвращение и ненависть ко мне на-
кидывали удавку на мою шею, затягивая сильнее в желании
перекрыть мне кислород.

Невероятно сильно сейчас, в данную секунду, в мерзопа-
костный день и погоду, захотелось закурить сигарету. Втя-
нуть в легкие обжигающий горький дым.

Что те-пе-рь? Чтооо? Она возненавидела меня... а он? Ес-
ли он узнает?

Я сдохну второй раз в жизни. Не жилец без него. Никто.

Я тебя прошу, Алина, только не говори...

Сидел, чуть ли ни на полу, и молил, чтобы ничего не вы-
пала на эмоциях. Имеет право сказать, поделиться с ним.
И это... это по отношению ко мне будет правильным. Но, я
тебя молю, не нужно. Не лишай меня его.

А если больше не посмотрит на тебя с уважением? С лю-
бовью? Если с сегодняшнего дня в его голосе и взгляде не
будет места ничему, кроме презрения?

От вертящихся вереницей мыслей в башке задышал гром-
ко, стараясь проморгаться и развеять туман перед глазами.

Нет. Нет! Только не сейчас! Успокойся!

Чича

Напряженно следила за его фигурой. И в этот момент в
моей голове прокручивалась, как в пленке кассеты, только
одна фраза: «Чудес не бывает, Чича. Не в этом сраном мире,
не с этим человеком».

В настоящий момент я хотела держаться от него подаль-

ше. Подальше от этого места. На сей момент я абсолютно уверена, что это лучшее решение. Правильное!

Он на грани... а рядом с ним немогущая калека. Чужая всем своим естеством, как холодок пробирается под кожу. Как неподалеку с нами дьявол отплясывает свой абсурдный танец смерти.

Вздрогнула, когда этот ненормальный, огромный боров вскочил и заметался по палате. С потемневшим, обезумевшим взглядом. Ему сорвало планку. И я в эпицентре этой воронки, беззащитная, безоружная, неподвижная.

Я тебя поздравляю, удача всегда сопутствовала тебе!

Я слышала, как до моих ушей, сквозь нарастающий гул, доносилось громкое дыхание с хрипом. Как что-то сумбурно бормочет себе под нос, перебирая губами, в каком-то абсолютно неадекватном состоянии. Мои глаза не поспевали смотреть за ним из стороны в сторону. Он как дикий! Как тигр, загнанный в маленькую клетку!

С невероятной скоростью оказался около своего телефона и лихорадочно начал в нем что-то тыкать.

Приложив сотовый к уху, согнулся пополам и зарычал. Страшно, блядь! Жутко, сука!

– Давай! Давай! Бери!

Спустя пару долгих секунд:

– Нет... нет... – Линия явно оборвалась, или же его звонок благоразумно проигнорировали и сбросили.

Он звонит брату, Чича. Не будет он из-за какого-то чужака

в желании рвать на себе волосы.

Цепко схватил клочок волос на макушке и вновь приложил телефон к уху.

– Возьми! Бери! Да, черт бы тебя побрал, мелкий сучо-ныш! – на последней фразе заорал и со всего маху разбил мобилу об пол. Та разлетелась вдребезги по всей палате.

Закрыла глаза от его дикости. От того, что палату начала наполнять атмосфера его безудержной ярости. В желании скрыть в своих глазах страх. Страх, который говорит, что он может добить меня, как минимум оставить одно мокрое место после меня. Я рядом с ним ничто.

Без какой либо надежды на хороший исход, приоткрыла тяжелые веки.

Вздрагнула.

Когда? Как? Когда подлетел? Как так бесшумно?

Вы видели когда-нибудь сумасшедших? Безумцев? Психов? Маньяков? Из всего перечисленного, каждое из этих определений нашло отражение на его смуглом перекошенном лице. Сглотнув тяжело и, наверное, громко, я сжалась. Внутри вся сжалась в маленький незначительный комочек, соломинку. Тоненькую, маленькую.

Боюсь... до режущих спазмов в мозгах. До черных летающих мушек перед глазами. Я его боюсь. Но не только это. У меня болиит... болит за нас обоих. Нутро болит.

Нависая надо мной, он пялился на меня расширенными глазами. Черными, как вся моя ебаная жизнь. Темными, хо-

лодными, страшными, пронизывающими все тело, пробирающимися в подсознание, препарируя меня, как подопытную крысу. Мне кажется, он не дышал, он словно заledenел. С остекленевшим взглядом и пеленой на глазах нависал надо мной и молчал. Лучше бы орал...

– Если бы ты выполняла все, как я тебя просил, то она бы сейчас ничего не поняла. Она бы не обратила внимания. Ты хоть понимаешь, что сделала? Тебе мало было меня? Я же сказал: моя семья для меня – свято. Не трожь. Не лезь. Запрет. Зачем? – обратился ко мне с обезумевшим видом глухим шепотом на грани слышимости.

Он до сих пор ни разу не моргнул. Это нормально? Может, он вообще себя не контролирует?

– Тебе лучше не видеть меня в порыве гнева, – мощной аурой пленил меня, сковывал всю.

От его слов во мне моментально вспыхивает обжигающее раздражение. Заломила бровь, тем самым говоря: разве? Ты способен еще на более ублюдочные поступки?

Я понимала, что играю с огнем, но ничего поделать не могла. Это словно идет впереди меня. Реакция! Ну не привыкла я хавать незаслуженную порцию дерьма. Мне своей хватает.

Не отводя от моих глаз больной взгляд, прикоснулся к кончикам моих волос своей широкой смуглой лапой. Поморщилась от нашей с ним тактильной близости. Ощущала каждое движение его длинных пальцев, словно пускал по мне

разряды тока. Но, то ли импульсы ненависти, то ли... да, неважно. Эти слова все больше не стоит произносить и думать о них.

– Лучше бы ему ни о чем не узнать. И тогда все будет хорошо... – а вот этот шепот нес за собой угрозу и опасность. В его голосе прослеживалась не только стальная жестокость, но и маньяческие наклонности. Особенно в данный момент, с по-детски оттопыренной пухлой нижней губой, словно он – обиженный ребенок.

И в данный миг я не имею ни малейшего понятия, как мне избавиться от этого психически неуравновешенного человека?! Как в моем случае раз и навсегда избавиться и обезопасить себя от этого кретина?! Спасти от той опасности, которую он источает?!

Но, к счастью, думать мне долго не пришлось, в палату ввалился персонал в виде медсестер. Благо, рожа этого ненормального начала проясняться. Мимика его лица начала выражать полное осознание того, что сейчас здесь произошло. В черных глазах туманная дымка уступала месту адекватности, пониманию каждого сказанного мне слова.

Он больной! Боже, он вправду больной, мать твою! Раньше я могла только догадываться, а сейчас... сейчас я уверена. Одна его рожа пару минут назад чего только стоит. Не загляни к нам сейчас в палату люди, неизвестно, чего можно было от него ожидать. Очередные побои? Оскорбления? Унижение? В очередной раз уничтожение никчемной жиз-

ни?

Сбоку от нас раздались сдавленные приглушенные смешки. В принципе, даже если бы я и смогла повернуться в их сторону, не сделала бы этого. Понятно, отчего такая реакция. Но, к сожалению, или к счастью, люди неправильно все растолковали. Хотя, сложно иначе посмотреть на разворачивающуюся перед глазами картину, когда этот ушлепок надо мной до сих пор нависает.

– Кхм. Кхм. Кхм. Молодые люди, извините, что отвлекаем, пришло время процедур, – известили нас две медсестры, хихикая в стороне.

– Да, конечно, – словно очнулся этот ублюдок, и отошел от меня на приличное расстояние, освобождая медперсоналу не только меня, но и место рядом со мной.

Скосила глаза в их сторону. Понятно. Две молодые идиотки, иначе не вели бы себя так бестактно в этих стенах. Они что, еще больше хотят меня покалечить? У них же в мозгах ушная сера и розовые единорожки! Даже Алина будет поумнее этих дур.

Вылупились обе на Тимура, но если быть точной – уперлись взглядом в напряженную спину. Тот сразу отвернулся от нас, явно приводя себя в порядок.

– Извините, но мы должны попросить Вас выйти из палаты.

Тим на слова этих куриц медленно развернулся и заломил бровь, смотря, откровенно говоря, уничтожающе. Мда, если

я не выдерживаю, то что говорить об этих девчонках, для которых самое страшное, что в жизни случилось – поломанный ноготь?

– Еще раз?!

– Эмм... ии...извиниите... ммм... ну, Вам нужно ввыйтии, – проблеяла ему в ответ девчонка с побелевшим лицом. Другая же просто вжалась в дверь палаты.

Скривилась. Еще неизвестно, кто из нас немощный.

– Я разве мешаю?

Давит их словами! Добивает! Видит, что девчонки сдают-ся, не смеют противостоять.

– Ннеет, ппросто это не ппоправилам.

– Ничего страшного, наш доктор к этому уже привык. Поверьте. Ничего Вам за это не будет. Приступайте, – последнее слово с кивком головы на меня.

Скрипнула зубами.

– Ххоррошоо, – неуверенно протянула одна из горе-медсестер и обернулась ко второй, что-то немо передавая взглядом. Та словно застыла.

Спустя пару секунд, обе, взяв себя в руки, подошли к моей койке с разных сторон. Нависли надо мной, и по слогам начали протягивать слова, как идиотки. Словно я не калека, а самое тупое создание на планете.

– Мы сей-час Вас ос-мот-рим. По-чис-тим вход катетерной тру-бки...

– Позвольте узнать, что Вы делаете? – с недоумением про-

тянул позади них псих.

Эти недалекие курицы подпрыгнули на месте от его раздавшегося голоса.

– Вводим в курс дела больную.

– Почему Вы с ней так разговариваете? Она прекрасно улавливает произнесенную речь.

И после сказанного кинул взгляд на меня. Казалось, за этим взглядом стоит многое, но я отмахнулось от всего, и с булькающими звуками начала смеяться.

Господи, Чича, такими темпами и с такими людьми не скоро ты встанешь на ноги!

– Выйдите!

Это сказал он? Точнее, приказал?!

Расхохоталась пуще прежнего, до слез. Все чудесатее и чудесатее становится, Чича.

– Но...

– Я сказал, вышли отсюда! – рявкнул на них.

Но вслед за ними и он покинул палату в неизвестном направлении, наконец-то оставляя меня одну.

Пусть без него! Пусть неконтролируемое сумасшествие, но главное, побыть одной. От всех от них подальше!

Тимур

– У Вас весь персонал состоит из таких идиоток? Извините, но даже я в свой ночной клуб не найму таких дур! Чем они ей помогут? Ногти накрастить? Или, может, брови выщипать? А? – орал я в кабинете врача, как потерпевший.

Признаться, в данный момент срывался на него, выпуская всю накопившуюся злость из-за случившегося за последние сорок минут.

Хирург вообще никак не реагировал на меня и мои выкрики с пеной у рта. Полностью игнорировал. Уткнувшись в больничный лист, что-то усердно отмечал или дописывал. Если бы он сейчас мне не ответил, я сомневаюсь, что смог бы сдержать себя и не накинуться на него.

– Успокойтесь! С ней будет работать Нина. Но сегодня у нее выходной.

– И чем же ваша Нина лучше? – ехидно передразнил его. Внутри все разрывалось на куски.

– Всем. Человек с опытом более двадцати пяти лет, – остальное продолжил себе под нос. – Человек на вес золота. Жаль, что таких людей – с такими золотыми руками как у нее – с каждым годом становится все меньше, – и опять мне, – к сожалению, очень сложно в наше время найти толкового специалиста. Даже в нашу больницу. Чиче придется сегодня потерпеть, а с завтрашнего дня все встанет на свои места. Максимум, что могу сегодня предложить – я сам могу пойти с девочками. Все сделают под моим присмотром.

Слушал его, гневно раздувая ноздри. Кулаки чесались всё к ебням тут расхуярить.

– Вам нужно отдохнуть... не стоит ругаться с тем, кто Вам еще может пригодиться!

Это сейчас он на себя намекает? А на кой он мне сдался?

Один звонок, и толпа таких, как он, выстроится через полчаса в холле, в желании занять его должность.

Чича

После того, как смылся из палаты Тимур, примерно через полчаса вновь явилась делегация идиотов, на этот раз во главе с моим врачом. Нужно отдать должное, под его взором девицы вели себя достойно, и мне казалось, даже профессионально. Но, хоть они и провели со мной все манипуляции по личной гигиене, это не отменило того, что мне хотелось смыть все чужие прикосновения.

Да, сложно тебе будет, Чича... Нужно как-то отодвигать на задний план свою безгливость. Ничем она тебе в данный момент не поможет.

Слава богу, что этот урод смылся, и я его больше не видела. А прошло уже достаточно времени! На дворе ночь. Неужели свалил отсюда? Или ошивается где-то поблизости? Ему ведь разрешили тут находиться в любое время?!

Стоило вспомнить черта, как дверь распахнулась, являя его передо мной.

Ебаать. Приплыли! Он что, издевается надо мной? Испытывает все мои грани? В таком состоянии я его не то, что не видела, я его не знаю. Не знаю, чего можно ожидать от него, когда он под зеленым змеем!

Пьяно смеясь, завалился в палату, держа в одной руке бутылку с янтарной жидкостью. Кажется, виски «Macallan».

Подпирая руками стены, смеясь, старался снять с себя

джинсы.

Приподняла бровь и не знала, что делать! Смеяться или плакать! До чего он сейчас нелепо выглядел. Но весь мой смех исчез, стоило увидеть, как этот верзила направился к моей койке.

Он ку-ку, долбоеб? Бля, он же сейчас навредит мне, даже не понимая! А я, блядь, встать хочу! Вылечиться!

Начала выгибаться дугой и косить глаза вниз, следя за его шатающейся походкой. Издавать странные звуки. Хриплое бульканье, даже не вой, даже не крик...

Да, блядь, очнись же! Если этот боров завалится на меня, то мои кости треснут окончательно и бесповоротно.

Этот придурок от издаваемых мною звуков заржал, запрокидывая башку назад.

– Чем ты опять недовольна?! Я ведь еще слова не сказал, – еле проговорил заплетающимся языком.

С новой силой забилась в возмущениях, и, о чудо! Этот остолоп затормозил. Плавающими глазами осмотрел вначале меня, а потом место на кровати, куда он собирался лечь пару секунд назад.

– А, ну да, наверное, ты права, не помешусь. – С сожалением и так серьезно протянул, что я зависла, а он, наверное, не выдержав многострадальной паузы, вновь заржал, как лошадь.

Закатила глаза, и за эти пару секунд произошло то, из-за чего теперь меня пробило на смех.

Пара секунд, и рядом со мной раздался звук от оглушительного крушения чего-то громоздкого. Я даже вздрогнула от испуга! Что он сделал? Казалось, в палате обрушился потолок! Но когда обнаружила его отключенного на полу, в одних боксерах и водолазке, с бутылкой, до сих пор державшейся в руках, затряслась в немом смехе.

Божеее, я реально таких дебилов не встречала. Полчаса! Полчаса я не могла себя успокоить! Сотрясаясь в диком немом смехе, с набежавшими слезами на глаза, смотрела на этого в данный момент беззащитного ушлепка. От вида этой нелепой картины в башке закрутились навязчивые мысли: Хоть бы ты больше никогда не пришел в себя! Хоть бы!.

Глава 6

Чича

– Нет, это издевательство какое-то! Когда я допустил в своей больнице балаган?!

Сквозь сон поморщилась от бесноватых грозных ноток.

Черт! Что я опять натворила? Но глаза было невозможно разлепить до того момента, пока до моих ушей не донесся умирающий стон. Мужской!

– Давай! Давай! Подъем, Тимур! Подъем! Как же ты мне надоел, а! Как гниющая кость в горле! Как незаживающая мозоль!

Ого! Ничего себе, какие у них чувства! А я и не знала... Да, доктор, я вас полюбила еще сильнее!

С неохотой разлепила веки и увидела следующую картину. Тот черт, который заявился ко мне пьяный вчера, до сих пор валяется в одних трусах на полу! Как не замерз за ночь?! А над ним мой доктор – как оказалось, любимый! Сидит на корточках рядом с его бездыханным телом, но выходит, что нависает над ним. Полы халата хирурга бережно укрывают пол рядом с Тимом. А в его выцветших с годами карих глазах отчетливо сверкает усталость и раздражение. Раздражение к лежащему рядом с ним идиоту.

После того, как Тим пришел в себя и перевернулся со страдальческим стоном на спину, Артур Азарович рывкнул,

казалось, на все отделение. Так, что только через пару секунд я поняла, что каким-то образом прижала свои онемевшие руки к ушам.

Господи! Руки!

– Живо в мой кабинет! – подскочил доктор, и хотел сию секунду уже вылететь, как увидел меня, прижимающую руки к ушам, в желании заглушить его вопли.

– Да че Вы разорались! Башка и так раскалывается! – доктор скосил на Тима взгляд, как на какое-то ничтожество, недомерка, и снова перевел внимание на меня. Но на этот раз начал расплываться в улыбке.

Медленно подошел ко мне, и оттянул мою руку от уха, ощупывая её.

– Отлично. К концу недели вернется полностью вся чувствительность. Уже можешь шевелить ими.

Улыбнулась ему в ответ, но при этом смотрела только на свою руку.

Да! Да! Я отчетливо чувствую его касания!

– Через час буду у Вас с Ниной. Она будет вашей медсестрой. Прикреплена именно к Вам. – Утвердительно моргнула ему. На этой ноте он и оставил меня, не забыв напоследок рывкнуть Тиму. – Две минуты! У вас две минуты! Не испытывайте меня!

Тим, лежа на полу, тяжело вздохнул. Попытался сесть, но ни черта у него не получилось. А это до сих пор забавно!

– Чич, как же хреново, что ты не можешь сейчас встать.

Улыбка завяла на моем лице, как тот цветок, который еще не успел зацвести, дать ростки.

– Прости, но за воду я сейчас многое бы отдал.

А я бы многое отдала, чтобы вновь в тебя плюнуть, сволочь мерзкая и неприятная! Поскорее бы ты свалил, чтобы тебя уже хоть кто-нибудь вздрючил!

Словно в предсмертной муке поднялся, оглядел себя и палату.

– Бля, нахуя я снимал джинсы? – прохрипел несчастно, потирая помятое лицо. Кинул красный взгляд на меня и с неохотой протянул. – Может, и так сойдет? Как думаешь, всех распугаю?

Я благоразумно закрыла глаза, чтобы не заводится и не видеть его рожу. На что мгновенно услышала:

– Верно мыслишь. Все-таки нужно надеть.

Тимур

– Ты как посмел? Как?! Я тебя спрашиваю!

– А мы уже успели на «ты» перейти? – потирая виски, умолял себя не сдохнуть от его возмущенного рева.

Мы словно сегодня с ним местами поменялись.

– Не хами мне! Прекрати! Я долго терпел неуважительное отношение к себе! Запомни, это мое отделение! Я тут главный! Хрен ты меня отсюда выкинешь! Я и так тебе тут многое позволил! Но пьяным валяться на полу в палате у больного НЕ ПОЗВОЛЮ! Услышал?! Тебе тут не вытрезвитель. Вали домой, раз нажрался до усрачки! Через час я буду у нее

в палате, и чтобы духу твоего там не было! Не попадайся мне на глаза сегодня!

Морщась, направился к Чиче в палату. Ага, еще бы от тебя я не бегал. Потерпишь! Но какого черта я вчера так нажрался?!

Знаешь! Все твои страхи душат тебя. А теперь и сожаление из-за нее. Нет тебе веры.

Чича

Дверь палаты распахнулась, впуская хозяина красной и опухшей рожи. Либо он не пьет совсем, либо он налакался впервые за долгое время.

Взлохматил волосы, прежде чем, пошатываясь, пройти через всю палату к графину с водой.

Смотря, как наливает в стакан прозрачную жидкость, жадно вливает её в себя, на то, как вода стекает по губам, тяжелому подбородку, затекает под ворот водолазки, громко сглотнула. Я даже не удивлена, что он замер на время, а после и вовсе повернулся ко мне.

С подозрением сверкнул на меня черными глазами и на грани слышимости прохрипел:

– Будешь? – приподнял немного графин с водой.

Утвердительно моргнула. Я сама готова откинуть кони от жажды!

Озираясь по сторонам, искал что-то. Открыв тумбочку, увидел нужную вещь, и вытащил на свет соломинку. Бросил в наполненный стакан, поднося его ко мне.

– Пей, – нежно прошептал и аккуратно поднес к губам край трубочки.

Смотрели неотрывно друг другу в глаза. Мои голубые и его черные, словно столкнулись между собой насмерть. Никто не хотел уступать и отводить свой взгляд.

– Я сожалею о своих сказанных вчера словах, – сказал коротко.

Мои губы искажает презрительная насмешка. Презрительная реакция не только на его голос, но и на слова. На то, что он несет. На то, что снова решил поиграть до поры до времени в хорошенького мальчика.

Разлепила сухие губы и зубами схватилась за трубочку, жадно выпивая содержимое бокала. Проталкивая застрявший ком в горле глотком прохладной воды. Скосила глаза в стакан, замороженно следя за тем, как уменьшается уровень воды в сосуде.

Сожалеет? Нееет, этот парень ни о чем не может сожалеть! Такие, как он, нет! Таким, как он, нет веры!

Глумясь внутри себя над ним, вспомнила некоторые отрывки из своей жизни.

– Дочь, прости меня. Прости мать, я больше никогда эту дрянь не буду употреблять.

– Дочь, больше ни одного мужика в доме не будет! Я не позволю тебя обижать!

– Извини меня, больше не повторится, вот увидишь, мы и вдвоем хорошо заживем!

– Я завяжусь со своей работой, главное, ты хорошо учись!

– Я исправлюсь, я поменяюсь, ты будешь мной еще гордиться!

Я знаю цену обещаниям. Научили за всю жизнь. Не только мама. За что буду всегда благодарна этим людям. Не стоит распускать уши и разевать рот, когда тебе кто-то кинул подачку в виде очередного никчемного обещания, которому грош цена... А этот гондон из их стаи. Конечно, сделаем вид, что поверила ему, хотяя... хотя навряд ли по моему виду в данную секунду можно сказать, что я поверила и приняла слова извинения.

А к чему они мне? И то, даже жопу ими нельзя подтереть!

– Чич, долго это будет продолжаться еще? Я начинаю уставать. И впрямь уставать, – устало вымолвил севшим голосом, пляясь пронзающе в мои глаза. Как обычно, его взгляд чувствуется невыносимо остро.

А ничего и не заканчивалось! Ничего не изменилось до вчерашнего момента! Ничего не поменялось после вчерашнего инцидента! У нас с тобой один путь – разойтись в разные стороны! Вот как только поставишь меня на ноги, так сразу и распрощаемся.

Господи, как же я тебя ненавижу! Как же я завидую тебе, что ты даже этого не можешь ощутить! Как же я мечтаю, чтобы ты на пару секунд оказался в моей шкуре и прочувствовал все негативные чувства, что я ощущаю к тебе.

Ты мразь! Такая же падаль, как Лёнчик! Одна разница –

тот опустившаяся пададь без денег, а ты дорогая! С деньгами, с запахом власти и природой незаслуженно наделенная красотой.

Меня отрезвил его очередной взгляд. Укоризненный. Ты даришь этот взгляд мне? А мне кажется, Тимчик, все заслуженно!

Словно услышав мои мысли, замотал лохматой гривой. Ну как так можно чувствовать?

– Я уже говорил, я во многом неправ... Я срываюсь. – Отставил стакан в сторону, и устало потер ладонями лицо. Со свистящим выдохом буркнул. – Но на это... на это имеется много причин. У меня...

– Привет.

Парень, дернувшись от голоса, опустил медленно руки и резко развернулся к выходу.

– Алин... – словно вообще голос пропал.

Прохрипел имя, и хотел что-то еще добавить, но обратил внимание, что она его вообще не замечает. Игнорирует. Словно пустое место. Нет его тут.

Когда она двинулась ко мне, все также не смотря на него, я перевела взгляд на Тимура. Тот с каждым ее шагом ко мне делал от нас пару шагов назад.

Может, она ему все-таки нравится? Почему она действует так на него? Почему он так в сей момент на нее взирает заколдованным взглядом? Почему отношение к ней такое? Она ведь всего лишь телка его брата! Ну да, жена, но они

ведь уходящие-приходящие! Бабы! Этих жен может быть десять, двадцать за всю жизнь, и что? Ко всем так будет трепетно относиться? Почему мне достаются его гнев и побои? А ей вот этот щенячий взгляд? Чем она это заслужила?

– Привет! – словила мое внимание, в данный момент отнюдь не расположенное к ней. Она уловила накалившуюся атмосферу, но беспечно продолжила. – Я привезла тебе вещи и что-то из продуктов. Узнала у матери, что тебе можно, но, как оказалось, почти все. Из-за голоса придется в чем-то себя урезать, но думаю, для тебя это будет не критично. – Старалась говорить добродушно, но я видела, как она нервничает. Из-за меня, либо из-за того, кто подпирает плечом косяк и прожигает в ее спине огромную дыру. – Давай оденемся? Я помогу. Тебе, наверное, надоело так лежать. Чтобы легко было проводить процедуры и личную гигиену, я взяла удобные шмотки. Пижамные штаны и рубашку от нее на пуговицах с длинным рукавом. Тебе как, сойдет? – распаковывая пакеты, на последней фразе кинула на меня взгляд, ожидая ответа.

Я легонько пожала плечами, показывая, что мне вообще плевать.

– Выйди отсюда! – не обернувшись, не удостоив внимания, холодно кинула указание Тиму. Причем властно! Причем, у девчонки враз поменялся голос, появился гонор!

Хмыкнула. Получилось довольно звучно, потому как они оба безрадостно на меня посмотрели.

– Алин, давай...

– Я же попросила, выйди отсюда. Я тебя ни видеть, ни слышать не хочу! Избавь меня от себя.

Это пиздец!

А чему ты удивляешься, Чича, чему? Ты ведь этого и хотела! Хотела добиться всего этого, когда признавалась ей во всем! Когда хотела, чтобы от него отказалась его семья! Разрушить эту самую семью! Чтобы ему было больно! Так ему сейчас не позавидуешь, отчего тебе тогда нехорошо?! Отчего ощущаешь в груди в районе сердца сдавленный спазм? Тебе жалко его? А он тебя жалел? Тебя в этой жизни кто-то жалел? Кто-то вообще думал о тебе? Кто-то ставил твои личные интересы, желания, мечты выше своих? Лохушка ты, Чича!

Почему меня, сука, трогает их семейка? Почему заставляет чувствовать? Почему я чувствую на себе их обоюдную боль? Не должно так быть! Несправедливо!

А когда к тебе относилась судьба справедливо?

И то правда...

– Я только... – но не договорил, видя, как Алина двумя руками облокотилась на мою койку, подаваясь вперед. Задышала учащенно, словно старалась подавить рвотные спазмы и отвращение к нему.

Тим, видя все это, остановился. Все распознав, или боясь её истерики, сжал до хруста кулаки, а через пару секунд развернулся на пятках и покинул палату, не забыв прихватить ключи от машины.

– Слава богу! – обессиленно кинув скрюченными пальцами все вещи из пакета, поплелась к графину с водой. Сегодня явно у всех жажда.

Налив стакан и залпом его осушив, плюхнулась на стул. Неподвижным взглядом уперлась в окно, что-то обдумывая, а может, и далеко отсюда уплывая.

По ощущениям, она просидела так очень долго. Полчаса. Час! Не шевелясь, не говоря, как окаменевшая статуя с аккуратным животом. На моих глупых мыслях: «интересно, кого она ждет?», Алина наконец-то очнулась.

– У тебя тут тихо. Можно подумать. Мне этого в последние дни не хватало.

Не знаю... от её изнеможенного вида или из-за убитого голоса, мне захотелось поинтересоваться, сильно ли я ей навредила. Её семье.

У самой никакой семьи не было, и решила лишить семьи остальных. Но, кто бы что ни говорил, и как бы она мне ни нравилась, я делала это только с одним умыслом! Избавиться от психа, раз и навсегда! Исчезнуть из жизней обоих! Кануть в неизвестном спиралевидном пространстве.

– Ладно, давай одеваться, – оперлась ладонями на колени, отталкиваясь и тяжело поднимаясь. Слышно, что из-за большого живота и одышка у нее появилась.

– О, Господи! – девчонка, задыхаясь, сдула черную мокрую прядь с лица и искренне рассмеялась. Я, запыхавшись,

кинула на нее злой взгляд. – Прости, прости. Но это было ужасно! Из-за меня, неповоротливой курицы! Господи, быстрее бы родила уже, что ли.

Я рефлекторно, не подумав, беззаботно усмехнулась на ее слова, чем обескуражила ее. Но она, кроме заломленной брови, постаралась больше никак не выдать свое удивление на мою реакцию. Наверное, поэтому она решила копнуть дальше.

– Твое тело... кто с тобой это вытворял? – увидев мой вмиг ожесточившийся взгляд, она захлопнула пасть.

Сейчас, после этого вопроса, я желала если не испепелить её, то хотя бы, чтобы она исчезла отсюда.

– Я так поняла, мне пора? – скованно пролепетала она.

Кивнула легонько.

– Хорошо. До скорого.

А уже около двери резко затормозила и не поворачивалась ко мне с минутой.

– Я виновата перед тобой. Не поверила. Прости меня. Такой жестокости я от него не ожидала. – Сказав все, повернулась и робко подарила мне улыбку. – Не скучай, я завтра после работы к тебе заеду.

После ее ухода, медленно, преодолевая боль в шее, повернулась к окну. Смотрела на слепящее солнце, которое дарило свои солнечные теплые лучи впервые за долгое время, до слезных спазмов.

Закрыв слезящиеся глаза, подумала только об одном: «Со-

грей и меня, лучик. Дай на все сил и энергии. Не дай пасть духом».

Тимур

Сделав последнюю глубокую затяжку, откинул бычок в сторону от машины. Выпрямился и весь собрался, видя, как заплаканная Алина выходит из главного входа больницы.

Сегодня, на удивление, погода была теплая. Солнце ярко светило, радуя всех приближающимися летними днями. После того, как нажрался вчера, глоток свежего и теплого воздуха был сродни спасению.

Девчонка, заметив меня, резко развернулась и пошла к машине по другой траектории.

Господи, Рус, как ты вообще ее добился?!

– Алина, постой! – побежал за ней, крича вдогонку.

– Отвали! – истеричный выкрик мне был ответом.

Прибавляет шаг, и уже нажимает на брелок машины, открывая BMW, подаренную моим братом.

– Алина! – делаю рывок и догоняю ее в два шага.

– Что? – разворачиваясь, рывкает мне в лицо.

Личико пунцовое от неудержимого гнева. И меня, сука, словно серпом по сердцу.

Так хочется вновь вернуть тот немного наивный и добрый взгляд. Чтобы относилась также, как и всегда – с любовью и озорством. Хочется извиниться за все и что-то придумать, чтобы все исправить, но слова вырываются прежде, чем я смог их проанализировать.

– Ты ничего не сказала Руслану? – этим вопросом взбесил ее только больше. Но не на истерику. На что-то глубже. Сильнее.

Зеленый взгляд до краев наполнялся горечью и презрением ко мне.

Заслужил, не спору! Прости, девочка!

Я видел, как она во мне разочаровывается все больше с каждой минутой. Видел, как до сих пор не верит в происходящее. Хочет все повернуть вспять, и чтобы не было между нами ничего.

Всеми этими эмоциями разбивает душу вдребезги. Ну что ты делаешь?

– Прости меня. Я очень сильно перед вами виноват, – нежно взял ее за руку повыше локтя, подталкивая к себе в объятия.

Когда просекла, замотала головой и начала вырывать руку из моего захвата.

– Не хочу, чтобы трогал меня! Не перед нами! Перед ней виноват! – начала выкрикивать на всю парковку.

Резко закрыл ей рот ладонью, чем привел её в бешенство. Начала бить меня по плечам, лицу. Из кристально-зеленых глаз потекли крупные слезы.

Да что же это, блядь, такое?!

– Что произошло? Что у тебя с ним произошло? Ты же не только из-за меня?! Алина, он трубку не берет, я ничего не могу узнать, не могу его в городе нигде выпечить. Что слу-

чилось? – медленно убрал руку с ее рта, давая возможность высказаться.

Но та, заикаясь от слез, произнесла не то, о чем я спрашивал.

– Я не сказала ему и не скажу. В ваши отношения я никогда не полезу, и уж точно не стану между вами камнем преткновения. Если он когда-то об этом узнает, то уж точно не от меня. С тобой на данный момент у меня желания общаться нет, и видеть тебя тоже. К ней, – кивком головы указала на больницу, – я приезжать буду.

Развернулась и хотела сесть в машину, но, передумав, развернулась вновь и глухо поинтересовалась:

– Ты хоть видел ее истерзанное тело? – отвел глаза вдаль. – Значит, видел. Что же это за нелюди такие? Что у человека в мозгах должно происходить? Как ты посмел руку поднять на женщину? Ты хоть понимаешь, что она теперь всегда будет тебя приравнивать к тем, кто над ней измывался? Теперь я понимаю её, когда она ненавистно отзывалась о тебе. Тимур, мой тебе совет, иди лечись. Ты больной... больной на всю голову, раз поднял руку на девчонку втрое меньше тебя!

– Запретишь с ребенком общаться? – прохрипел, также смотря вдаль. Я готов был разорваться от ее слов на тысячу мелких кусков. Не передать эту боль. Но она права, я больной...

– Я не знаю... не знаю, Тим. Прости. Тебя клинит. И я это видела не раз. Но мне не довелось наблюдать то, что видела

Чича. Я вчера долго обдумывала твои слова, которые были сказаны в Казахстане. И вспомнила, что с тобой такое бывает. Что не раз были вспышки агрессии. Сейчас я поняла, и увидела, что это не пустой звук. Тим? – пытается словить моё внимание, а у меня все внутри ломается. Я не могу на править на нее остекленевший взгляд.

– Тимур, лечись. Иди к психологу. Руслан ничего не знает, но представь на минуту, если информация до него дойдет. Что тогда? Мне страшно... – затряс головой, как больной. Да, я и так обо всем догадывался, но она только все подтвердила.

– Что у тебя с Русланом? – словил ее внимание на себе, но тут же потерял. Отвела глаза и вновь повернулась, чтобы сесть в машину. – Алина?

– Завтра тебе нужно быть в клубе в четыре часа. Приедет Хаджиев, уладишь пару вопросов и подпишешь документ. Завтра все подробно расскажу. – Захлопнула дверцу машины и резко выжала газ, срываясь с места. Оставляя меня в полном недоумении.

Полез в карман, но вспомнил, что телефон вчера разбил. Как мне до него дозвониться? Блядь, неужели он ее теряет?

Чича

Одновременно вместе с врачом в палату вошел и Тимур. Потерянный. Станный. Весь взъерошенный. И такой вид отнюдь не из-за похмелья. Даже врач кинул на него, помимо раздраженного, странный и изучающий взгляд.

– Так, милочка! – встал рядом с моим датчиком доктор, внося мои показатели в свою медицинскую карту. – Нижние конечности у нас не двигаются. Но при такой травме не страшно. Так и должно быть! Отставить панику! – смотрела на него затравленно, расширенными зрачками. Смаковала каждое смертоносное слово, которое отравляло меня.

– Тааак... что у нас по прогнозу. Мхм. – Снова что-то записывая, кивал то ли мне, то ли своим мыслям. – Мышечные движения не атрофированные. В ручках появилась не только чувствительность, но, как мы могли сегодня наблюдать, еще и подвижность! Поэтому, к чему мы теперь приступаем?! Я вижу, ты пришла в себя и здраво мыслишь. Вижу, твои показатели приходят в норму. – Утвердительно моргнула, соглашаясь с ним.

Да! Да! Я уже не могу тут просто лежать! Это сродни пытке!

– Сейчас мы ежедневно начнем укреплять корпус.

– Что для этого ей нужно? – вклинился в наш разговор Тим, складывая руки на груди. Каждая его мышца от этого движения напряглась, отчетливо прорисовываясь через водолазку.

– Пока ничего.

Посмотрела на доктора непонимающе. Это как? Мне казалось, для спинальников много всяких приспособлений.

– Вы меня правильно поняли, – кивнул утвердительно и заглянул мне проникновенно в глаза. – Сейчас пока что бу-

дем на кровати учиться заново переворачиваться, поднимать руки, садиться, пересаживаться, приводить свои волосы в порядок, – губы врача растянулись в теплой улыбке. Прикоснулся к моим кончикам волос, словно наглядно показывая то, о чем говорил.

Смотрела на него во все глаза. Учиться? Я не ослышалась?

– Учиться придется всему заново, – словно услышав мои мысли, подавленно протянул хирург.

Задышала учащенно, стараясь не обращать на образовавшиеся мушки перед глазами. Господи, это какой-то бред!

Глава 7

Никогда не теряй терпения – это последний ключ, открывающий двери.

с. Антуан де Сент-Экзюпери.

Чича

Господи, это какой-то бред! И чем дальше Артур Азарович говорил, тем больше я в этом убеждалась.

– Не забегай вперед. Давай пока думать о том, чему мы сейчас заново будем учиться. Первая стадия – укрепление корпуса. – Нависая надо мной, вдруг тихо прошептал хирург.

Я видела, что не только доктор пытался поддержать меня морально словами, но и Тим, стоявший от нас неподалёку, старался подарить мне теплую улыбку, которая говорила в данный миг: «Я рядом, девочка. Всё будет хорошо».

Но как можно не волноваться, не паниковать, если из-за этой травмы ты за один миг все потеряла?! Потеряла то, что не должна была терять! Не имела право! И так ничего нет, кроме себя самой! Нет никого, на кого можно бы было положиться! Только на себя... всю жизнь.

А теперь мне спокойно говорят о том, что, извините-ка, но Вам заново нужно учиться всему! Не просто встать на ноги! А научиться, элементарно, переворачиваться на кровати.

Я кипела вся! Во мне словно бил фонтан раскаленной лавы. Опалял каждый закуточек моих внутренностей. Не

щадил ничего! Агония! Я живу в агонии! Каждый день! Смерть! Живая смерть во плоти.

– Нам нужно спустить иннервацию до максимального уровня, – глубокий голос доктора вернул меня в реальность.

Он до сих пор нависал надо мной, и казалось, читал всю отражающуюся в моих глазах панику. Неудивительно, Чича, через него таких, как ты, прошло немерено.

– Чем раньше ты научишься все это выполнять, тем быстрее ты переедешь в другой центр. Реабилитационный центр. Там-то тебя и начнут ставить на ноги, – у врача вмиг поменялось выражение лица. Счастливая улыбка начала расплываться на худощавом, немного морщинистом лице. – Вооот. Вот такой я тебя и хочу всегда видеть! Вон как глазки загорелись. Сейчас Нина проведет все процедуры, а после обеда приступим?! – моргнула и не смогла сдержать улыбку. Уголки губ нервно подрагивали, а кончики пальцев, казалось, покалывало.

Я так сильно хотела приступить к делу, что в тот момент даже не задумалась о том, что это может быть сложно для меня. Непосильно. В тот момент я одной ногой была уже в том реабилитационном центре.

– Тогда до встречи через пару часов, – добродушно осведомил нас доктор и неторопливо покинул мою палату, снова что-то внося в больничный лист.

Оставшись с Тимом в палате наедине, я прикрыла глаза. Сейчас все мои мысли были связаны с моим лечением. С мо-

ими преждевременными иллюзиями, красочными картинками, когда я встану на ноги, когда заговорю.

Уловив движение сбоку, разлепила веки. Тим, опустив руки по швам, отвел свой взгляд от двери, направляя его прямо на меня. В глаза. Как всегда, пронзительно. Как всегда, на грани. Ему есть, что сказать мне.

Медленно приблизившись ко мне, навис надо мной. Но не как минуту назад доктор. А по-особенному. Почему-то решив, что у него есть такое право!

Словно читая мои мысли, делал еще сильнее назло мне. С двух сторон обхватил своими лапами мое лицо и уперся лбом в мой. Когда-то такое уже было. Когда-то за этим последовал поцелуй. Я больше не хочу...

– Не вырывайся!

Да! Я пытаюсь! Я не просто как овца лежу и терплю все его выходки, позволяя делать все, что ему заблагорассудится! Хрена с два!

Без голоса и, к сожалению, неподвижно, я пыталась извернуться от его нежелательных объятий и выгнуться дугой. Но боль была адская! Любое движение моментально отстреливало в позвоночник и разрядом тока проходило по всему телу, кроме моих ног.

Но этому уроду все было нипочем! На все мои еле живые трепыхания он еще больше прижимал меня к себе, словно пытался со мной срастись. Его запах с горькими нотками виски забивался в ноздри, просачиваясь в мой организм,

опьяняя, но, к сожалению, не алкоголем... собой.

Проклятуший черт!

– Скажу тебе сейчас самое главное.

Я затихла в его руках, как мышка. То ли решила выслушать, что хочет сказать, то ли я, словно уже под наркотой, впитывала его запах и близость, наслаждалась его касаниями, теплыми поцелуями в лоб.

Что же ты делаешь со мной? С телом! Моим телом! Пара секунд – и оно покорно тебе!

Впервые в жизни внутри себя, про себя, я захныкала, как одна из влюбленных идиотов!

Ненавижу тебя... как же я тебя ненавижу, сволочь проклятая!.

– Не надейся, что будет все легко. Настраивайся, что будет сложно. Что для таких простых движений тебе потребуется много времени.

Это он так решил меня поддержать, придурок?!

Почему он просто не может заткнуться и исчезнуть? Почему каждый день ошивается рядом со мной? У него разве нет работы? Я бы себя куда лучше чувствовала, если бы он свалил отсюда. Я чувствую себя рядом с ним скованно! Он душит меня! Подавляет!

Заглянул мне в глаза, не отрываясь от моего лба, словно ему жизненно необходимо было меня касаться, чувствовать, и прошептал с чувством:

– Я рядом. Я не желаю тебе зла. Но путь для нас обоих

будет сложный. Я тебе не враг. Никогда не был им. Доверься мне, милая. Не получится сегодня, ничего страшного. Не получится через месяц, забудь, наплюй! Каждый новый день будем вставать и стараться. И в конце увидишь, что все было не зря. Договорились? – смотрели неотрывно друг другу в глаза. Зачарованно! Сосредоточенно! А я, казалось, вместе с тем ещё и немного восхищённо.

Да. Да, Чича. Это слова поддержки. Возможно, те слова, в которых ты нуждалась. Те слова, которые хотела услышать. Хоть когда-нибудь услышать в свой адрес слова поддержки.

Почему ты? Ну почему?

Очнулась, когда этот ирод запечатал мои губы поцелуем. Не углубляясь, поверхностно, но и этого мне хватило, чтобы меня подбросило, как от удара. Как от разряда тока. Словно ко мне подсоединили провода и подключили к розетке.

На задворках сознания мне подумалось: «Радуйся, пока можешь. Стоит мне встать на ноги, и за все твои непозволительные действия в мой адрес тебе ой, как аукнется».

Но лучше бы на тот момент я подумала о том, что он был прав, как никогда. Он словно провидец – предвидел мое будущее, и преждевременно постарался меня утихомирить и смягчить мой характер.

– Начнем? – чересчур радостно поинтересовался у меня док.

Хотелось свести брови к переносице, ощущая какой-то

надвигающийся пиздец, но Тим, стоящий напротив нас, незаметно моргнул, вновь подбадривая.

Ладно! Так и быть.

– Через час мне нужно будет отъехать по работе, – посмотрел на наручные спортивные часы Тим.

– Мы и без Вас справимся, – нелюбезно ответил ему хирург, на что Тим кинул на него злой взгляд из-под густых бровей.

– Артур, с чего начнем? – это полюбопытствовала моя медсестра, Нина.

Женщина как женщина. Взрослая, примерно, от сорока до сорока пяти. Среднего роста, худощавая. Карие глаза красиво контрастируют со светло-русыми волосами, которые заплетены в красивый, тугий колосок. Работу свою знает. Очень порадовало только одно – во время процедур не задавала ни одного тупого вопроса. От вида моего тела ни взглядом, ни словом не показала своего ужаса или отвращения.

– С самого легкого, – взглянул исподлобья на меня врач. – Начнем учиться поднимать руки к голове.

Он смеется надо мной? А можно что-то посерьезнее? Я руки сегодня спокойно подняла, чтобы заглушить его же вопли. У него с памятью что-то?

– Хорошо. Чича? – уже ко мне обратилась медсестра. – Давай для начала попробуешь пошевелить пальцами.

Нет, Чича, они точно стебуются!

Ну, давай, доктор, я освежу тебе память!

Скосила глаза вниз к своим рукам и... И, блядь, ничего! Это что за нахуй?! Сегодня же все было! Сегодня! Мне же это не приснилось?!

– Чича, успокойся. Дыши.

Что?

Нахмуренно перевела на хирурга свирепый взгляд. Внутри я словно металась! Готова была выпрыгнуть из собственного тела. Я узник! Узник в своем собственном теле! Внутри я могла все, и казалось, что пальцами на данный момент я шевелю, но на самом деле они почему-то не двигались.

– Это нормально. С утра это было рефлекторно. Ты не задумывалась о том, что ты не чувствуешь рук. Не думала о том, что не сможешь поднять руку. Ты просто хотела заглушить шум. У тебя получилось. Значит, и сейчас все получится. Давай!

И снова пошел обратный отсчет!

Тяжело дыша, я старалась пошевелить пальцем, казалось, битый час! Просто в желании хотя бы увидеть, что он дернулся! Но нифига! Словно опять меня решили макнуть в грязь! Спустить с небес на землю. Нихуя не будет легко. И я это поняла в первый же день.

Тим уже давно уехал по делам, а я все пыхтела, чтобы сдвинуть руку, пошевелить пальцами. Короткие мокрые пряди прилипли к лицу, чем еще больше раздражали меня. Я блядь, нихера не делаю, но потею, как вонючая свинья.

– Это незатейливое движение пытаешься делать посто-

янно. Не загоняй себя в рамки. Отпусти себя, как сегодня утром. Чувствительность вернется до конца недели, думаю. А там уже все будет без проблем с руками. Но сейчас этими движениями ты сможешь вернуть чувствительность раньше времени, – высказался врач и оставил меня одну, забрав с собой и Нину в придачу.

Почему, когда они все у меня в палате, я хочу избавиться от каждого, а когда я одна, готова взвыть от беспомощности?! От одиночества! От сковывающего страха, что больше никто не придет, что на этой койке я проваляюсь до скончания веков в одиночестве?!

– Как успехи? – задал вопрос Тимур по возвращении в палату.

В голосе отчетливо слышалась изнуренность. Хоть он и привел себя в порядок, но по внешнему виду так сразу и не скажешь. Не увидь я новой, свежей одежды на нем, не догадалась бы, что заезжал домой к себе. Измученный, подавленный, весь какой-то помятый.

Неужели так из-за брата и Алины? Или на работе проблемы?

– Слышишь? – вернул меня бархатный голос из беспамятства.

Что он делает?

Прежде пожала плечами, дескать, говоря ему: никуда у меня не выходит. А после вновь приклеилась взглядом к его

спортивной черной сумке, из которой он вытаскивал некоторые шмотки.

Он жить тут собрался, что ли?

– Ага!

Приподняла брови и механически потянула краешек губ в улыбке на его короткий ответ.

Все-таки провидец! Ну, или точно умеет читать мысли!

– Помнишь, что сказал? Не отчаивайся, я уверен, что ты скоро встанешь на ноги. Про руки вообще молчу. Верь мне, – не оборачиваясь, через плечо кинул мне тихие слова.

Как? Как тебе можно верить, когда ты столько всего натворил!

Грустно улыбнулась, когда заметила, как вытаскивает с сумки настенные часы. Это то, чего мне очень не хватало... время.

– Еще пару вещей тебе привез, – пока я погрузилась глубоко в себя, он, как обычно, бесшумно оказался подле меня.

Наклонился ко мне и шумно повел носом по моей скуле. Нет, что за идиот?! Он долго это будет вытворять? Тот, будто на мои мысли, затрясся всем телом в бесшумном смехе.

Сука! Издевается!

– Маленький, колючий ёжик.

Замерла от его обращения и не сразу ощутила, когда большим пальцем прикоснулся к моим губам. Неудивительно, такие-то глаза. Засасывают на черное дно! Воронка, мать твою.

– Ну что, попробуем снова? – поинтересовался на следующий день доктор.

Без промедления кивнула и сразу уставилась прожигающе на свою руку. Как на предательницу! Ненавистно смотрела, испепеляя ее, проклиная!

Давай же! Давай! Хотя бы пальцем!

– Ты слишком много думаешь!

Перевела уничтожающий взгляд на Тимура. Точнее, показывая всем своим видом, что я думаю о его усталых вздохах и фразах.

Пошел к черту, придурок! Тебя тут никто не заставляет быть!

– Согласен!

А теперь шокировано перевела глаза на хирурга. Он серьезно? Вы же его не меньше моего ненавидите!

Артур Азарович развел руки в стороны, в одной из которых был больничный лист.

– Он прав, Чича. Много думаешь, поэтому у тебя не выходит.

– А это бесполезно! Она слушает только себя! – иронично подметил Тим, и начал надо мной издевательски посмеиваться.

Пидор!

Закрыла глаза и часто задышала, так, что даже почувствовала, как грудная клетка заходила ходуном. Разлепив веки, словила на секунду тревожный черный взгляд, направлен-

ный на меня.

Бесполезно говоришь, сука?

А в следующий момент от моих действий, Тим, стоявший напротив меня, расплылся в счастливой белозубой улыбке до ушей, а доктор и вовсе громко расхохотался.

– Молодец, милая.

Моя улыбка погасла на лице от его обращения, а вытянутая рука со средним пальцем, предназначенным Тиму, бессиленно упала на койку.

– Отлично! А теперь пытаемся ручку поднять к голове, – сквозь смех проговорил док.

Ну что ж... попробуем.

И снова ни-хе-ра! Шевелится – да! Дергается – да! Но чтобы поднять... от силы – на пару сантиметров от койки, и вновь опадает на нее.

Будь ты проклята! Будь я проклята! Все! Весь мир! Горите все в аду, суки!

– Успокойся. Помни, о чем мы договаривались, – этот иуда снова подкрался ко мне и прошептал на ухо, окутывая меня мужским запахом, теплом сильного тела.

Его близость будоражит всю меня, кружит голову, не позволяет вырваться из-под его власти! Наверное, неосознанно для нас обоих, но этот «черт» дурманит меня собой. Что может быть хуже, Чича?!

Наверное, поэтому получились все мои следующие действия! Потому что противилась этому, как могла! Не хотела!

Тело – да! А мозг трубил, что нужно от него избавляться! Держаться от него подальше!

Приподняла руку и легонько, словно пушинка, положила её на его лицо. Тот захохотал приглушенно, но как ненормальный! Словно это его рука в полной мере задвигалась! Словно рад за меня!

Постаралась его оттолкнуть от себя, постаралась надавить рукой на его лицо, но ничего не вышло. Она была ослаблена, как и я. Сил больше ни на что не осталось. Я выдохлась!

Тим, целуя каждый пальчик на моей руке, прошептал:
– Вот видишь, какая сильная? Молодец, у тебя вышло!

Поморщилась и прикрыла глаза, мгновенно чувствуя, как захотелось спать.

Уже проваливаясь в невесомую черноту, услышала неразборчивый, вяжущий разговор доктора и Тимура.

– Завтра снова вернемся к этим упражнениям. Она еще очень слаба. Они ее выматывают.

– Её выматывает больше злоба, которая сидит внутри нее. Злоба на свое состояние.

– Вы правы, она не исключение. Всем пациентам сложно на любой стадии реабилитации. Будь она даже последней. Девочка на начальном пути. Дорога длинная. Я не советую Вам вызывать в ней злобу...

Последнее, что смогла разобрать.

Тимур

– Я не вызываю злобу, я ее стимулирую. Поверьте, я её

изучил неплохо. Ей нужен хороший толчок.

– Вы считаете, возможность вновь встать на ноги – не мощный стимул?

– Сильный, но для нее этого маловато. Ей нужны негативные эмоции. Она этим подпитывается.

К сожалению, все, что я сейчас произнес вслух доктору, было сущей правдой.

Ей мало того, чтобы хотеть. Ей нужно ненавидеть. Быть сильной одиночкой. Противостоять всему миру. Ей не то, чтобы от этого осознания легче живется, ей так привычнее... знакомо.

И если мне нужно будет ее направлять, подначивать, я буду это делать. Я буду делать всё, что зависит от меня.

– Думаю, Вы к ней несправедливы, – задумчиво протянул врач, неотрывно смотря на спящее лицо девчонки.

Внутри мгновенно все ревностно подскакивает до максимальной отметки.

– Вы ее плохо знаете, – получилось намного грубее, чем хотелось на самом деле ответить.

– Как скажете!

Чича

– Пробуем! – коротко бросил мне врач.

Битый час я поднимала руку, но не могла, твою мать, дотянуться до своей башки! Мне кажется, от громкого дыхания, от нервов и от того, какой я была разъяренной в данную минуту, в этот момент мои слюни брызгали в разные сторо-

ны.

– Нет. Не торопись. Давай заново.

Какого черта этот лох мной командует?! Ну, пусть он попробует после такой травмы что-то сделать. Я посмотрю, чем для него послужит слово «заново»!

Сука! Заново, так заново!

– Злоба тебе не помощник. Попробуй просто расслабиться.

– Сосредоточиться, – а это Нина подхватила Артурчика своего.

– В таком случае, у нее вообще ничего не получится. Вы ей скажите ещё, чтобы она помедитировала между упражнениями. Вдруг выйдет! – издевательски выгнул черную бровь этот баран.

– Тимур, выйдите отсюда!

– Ага, доктор, уже побежал за дверь, – ехидно начал над ним насмехаться иуда.

Закатила глаза на их перепалки. Ежедневные! Заебали оба уже!

Что там от меня требуется? Ах, да!

– Отлично! – поморщилась от того, как врач громко воскликнул. – Координация плохая, но ты умничка, все выходит! Коснись своих волос.

Издала пронизывающий хриплый звук, льющийся из моего немого горла.

– Да, деточка, больно. Знаю! Но нужно терпеть. Тянись,

моя хорошая.

Я уже не просто вся скривилась, я почувствовала, как потекли слезы от этой дьявольской боли.

Тим, дёргавшийся в углу, смотря на все это сбоку от нас, не выдержал и двинулся ко мне. Словил моё внимание и снова наградил тем безмятежным и теплым взглядом.

Странно, как такой черный, холодный взгляд может быть теплым? Излучать поддержку? Сочувствие? Словно он всю боль хочет забрать себе! Словно не может смотреть на меня плачущую!

А когда лупил меня? Когда обзывал последними словами? Больно тебе не было, дружок?

Сжала сильнее зубы от воспоминаний и схватила больно за свои волосы.

– Ай да молодец, девочка! Молодец! – восторгался мной хирург, стоявший сбоку от нас.

Тим, аккуратно присев на краешек моей кровати, не задевая меня, взял нежно за руку, отцепляя её от моих волос.

– Всё, всё. Сделала норму. Отпускай.

А я что, до сих пор сжимаю их?

Тот же аккуратно расцепил руку и разжал кулак, разгладил скрюченные пальцы. Начал массировать одну руку, а затем вторую.

– Тимур, молодец. Точечный массаж можешь делать с утра и вечером.

Нет! Я не хочу, чтобы он ко мне прикасался лишний раз!

Он и так много себе позволяет последнее время!

А внутренний голос как назло нашептывает: «Будто тебе это не нравится».

Взглянул на меня исподлобья пристально. Что-то выискивал в моих глазах без тени улыбки.

Какой же ты красивый! Жаль только, что подлец...

Словив какую-то эмоцию во мне, крепко зацепился за нее и держал, пока не насладится этим. А я и не смела отвести взгляд. Я давно поняла, что слаба перед ним, когда того пожелает он!

Прежде, чем ухмыльнуться мне озорно, подмигнул, словно между нами намечается заговор. Словно мы подельники, и нас объединяет важное незаконное дело. Словно между нами неосуществимая мечта, которая должна вот-вот сбыться.

Ненормальный! Ненормальный на всю голову! Впрочем, я и так все это знала...

Тимур.

Моя сильная девочка...

Мы с тобой все выдержим. Справимся!

Глава 8

Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать.
с. Оноре де Бальзак.

Чича

Вдруг, сквозь сонное марево, до моих ушей и сознания отчетливо донеслись голоса. Мужской и женский. Мужской – спокойный, даже малость отрешенный, отчаянный. И женский – приглушенно-металлический, суровый, приправленный язвительными нотками.

Из-за жгучего любопытства, чтобы понять, что же все-таки происходит, с трудом, но разлепила веки.

Дааа. Что бы с тобой ни творилось, Чич, на сон твой это никогда не повлияет!

Усмехнулась про себя, никак это визуально не отражая внешне. Постаралась с себя сморгнуть сонную дымку, которая еще окутывала теплыми объятиями все мое тело.

– Алина, я тебя прошу... позволь переступить порог вашего дома, когда вечером заеду к Вам.

Это оказались никто иной, как Алина с Тимуром.

Девчонка до сих пор топталась на пороге палаты. Хотя разговор между ними явно начался не только что.

– Я тебе уже сказала, что нет. Тим... не вынуждай меня еще больше с тобой ругаться. Тем более, при твоём брате, – безрадостно выдавила из себя с неохотой слова, ставя

какие-то пакеты около стены.

– Алина, где он тогда шароёбится, скажи мне?! Я не могу его нигде выцепить! Как только я начинаю его искать, он словно проваливается сквозь землю! В моем автосалоне его никогда нет! В его СТО его никогда нет! Тогда где он? – развел руки в стороны, всем своим видом выражая непонимание.

Тимур еле старался держать лицо, чтобы не повисить голос. Видела, как ему сложно от безвыходной ситуации. Но он ведь не посмеет поднять на нее голос! Они ведь все её берегут! Не дай бог, если хоть одна слезинка скатится с её глаз!

Я моментально скинула оцепенение сна, когда услышала их разговор! Они не обращали на меня никакого внимания. До сих пор были в неведении, что я проснулась, и у их разговора появился нежелательный свидетель.

Но, черт побери, мне нужно выяснить, в чем, все-таки, дело! Сказала ли Алина своему мужу, в чем дело на самом деле? Но если бы он знал, разве не кинулся к своему братцу? Разве бы я до сих пор лежала тут приспокойненько?! Нет, девчонка до сих пор молчит, Чич. А это значит, что проблема в другом!

– Я не знаю. Лезть в ваши дела и проблемы я тоже не собираюсь.

– Ты сейчас так решила пошутить? Знаешь, почему не собираешься?! Потому что мне не хочешь помочь! Потому что я обосрался! Да, я признаю! Алина, мне брат нужен...

Но Алина его резко перебила, отвечая жёстко, коротко, по делу. Даже я от её ответа приподняла брови и прикрыла глаза, чтобы меня не застучали. И в данный момент мне казалось, что мои брови затерялись у меня в засаленных волосах.

– Признаешь? Ну, так иди и исправляй эту проблему! – она поддалась к нему и начала повышать голос, но на последних двух словах затихла, наверняка боясь меня разбудить.

– Алин, мне с братом нужно поговорить. У меня уже вилы.

– Я за тебя рада.

На что мгновенно после ее ответа, послышался глухой удар.

– О том я тебе и говорю. Лечись! Меня не волнуют твои психи. Ну, или, если тебе нравится это состояние, продолжай дальше сбивать кулаки об стены. Но ко мне за общением или за помощью больше не обращайся. Я тебе не помощник. Я тебе не друг, пока ты творишь дичь! Пока ты не решишь свои проблемы!

Приоткрыла глаза и словила черный испепеляющий взгляд, направленный на девчонку. Та же сложила руки на груди и стойчески переносила тяжесть его взгляда и мрачную энергетику.

Да, у девчонки, похоже, выработался иммунитет. Мне бы еще так научиться и вообще не реагировать на этого остопа.

– Тимур, очнись! – Вытянула руку вперед и пощелкала пальцами, глумясь тем самым над ним. – Не действует, Тим!

Меня этот взгляд каждый день дома прожигает дома!

Ну, я и говорю, выработался иммунитет.

Тут-то меня и застали врасплах! Алина резко развернулась ко мне, словно почувствовала на себе мое внимание. Кристально-зеленый взгляд заметно изменился. Стал ясный, но от чего-то встревоженный. Из-за меня?

Обе перевели взгляд на единственного мужчину в палате, у которого в данный момент смуглое лицо отчего-то стало перекошенным и отчаянно заливалось краской от явно бушующего внутри гнева.

Вот те на! Пришла и снова разбудила в нем не-пойми-кого! Постоянно после этой девчонки я потом разгребаю его же дерьмо!

Алина вновь кинула на меня встревоженный взгляд, разгадав все враз. Я же своим показала, пускай сама все разгребает! Гневно начала бегать глазами от нее к нему.

– Тим, выйди!

Она еще смеет с ним говорить в такие моменты?! Дуура! Молчи! Не выводи его еще больше!

– Тим, я сказала, выйди! Ты начинаешь пугать! – на последней фразе панически прокричала ему, даже не посмотрев на него при этом.

Тот, очнувшись от вопля девчонки, словно сморгнул марево бешенства, и выскочил за дверь палаты.

Пиздец! Пронесло и в этот раз! Нет, все-таки и она на себя может напустить его праведный гнев.

– Ненормальный, – вздрогнула и прошептала она после громового хлопка двери.

Оказавшись около меня, с чувством заглянула в мои глаза. Что? Я что-то должна понять? Сказать? Так я не могу! Пожалеть её? Так я не хочу!

– Я ведь права в том, что ему нужно лечиться? – задала вопрос вроде и мне, но вроде в данный миг была не тут, говорила, словно сама с собой. Словно уже жалела о сказанных словах! Словно ей больно только от мысли, что она доставила ему самому... эту самую боль!

Определенно! Определенно, этому психу нужно лечиться! Я даже и не знаю, есть ли в этом здании место для психически-неуравновешенных людей.

Господи, как меня от них тошнит! От всех них! От Тима, который носится со своими горячо любимыми родственничками. От Алины, которая уже сто раз пожалела, что обошлась так с Тимуром. От братца Тимура, потому что... да потому что просто напускает на меня непреодолимый страх!

Обещаю, как только избавлюсь от них, в честь праздника станцую зажигательную румбу! Правда, мне для этого танца будет нужен напарник... ай, да плевать, и сама справлюсь!

– Что скажешь? – девчонка выплыла из своей отрешенной протрации, интересуясь моим мнением уже серьезнее.

Моргнула утвердительно, не только говоря ей, что согласна с ее позицией, но и чтобы наконец-то отъебалась от меня эта липучка.

– Извини, что не приезжала, работы очень много. Не успеваю все сделать. – Хотела продолжить, но зависла с приоткрытым пухлым ртом, пялясь при этом на меня.

Что? Про Тима хотела проболтаться?

– Я тебе привезла кое-что из вещей. Привезла постельное белье. Медсестре я твоей уже сказала, когда будут гигиенические процедуры, пускай заменят белье. Куда лучше, чем больничное. Привезла шампунь и бальзам. Остальное вряд ли тебе сейчас нужно, не до этого.

Остальное? У меня и первый обиход не всегда был.

Да, она все-таки может быть полезной в нужное время. Но в следующий момент я уже пожалела о своих словах.

– А еще я купила для тебя нужную вещь. – И вытащила эту нелепость на свет божий из притащенного ею пакета.

Вытянула руку в сторону со счастливой мордашкой, демонстрируя свою покупку. Её черные волосы были туго собраны на макушке в конский хвост, отчего разрез глаз был немного натянут к вискам. А от широкой улыбки так вообще глаза стали узкими.

Какая же она все-таки идиотка! Мне так и хотелось ей выкрикнуть в рожу! Нахера мне эта хуйня?! Почему вся их семья надо мной издевается?! Каждый раз хотят указать на мои минусы!

Её счастливая мимика начала таять на глазах от моего вида. Явно не добродушного! Через пару секунд довольная мордашка превратилась в растерянное лицо.

– Тебе не нравится, что ли? Это же крутая вещь!

Что? Вот эта детская доска, на которой можно писать? Для чего она мне?!

Я! Скоро! Начну! Говооооорить! Мне не нужно на никчемной доске выражать свои мысли! Но, ко всему прочему, я еще плохо владею своими руками! Тупая твоя башка!

В голове набатом отстукивала мысль: «Я ее убью!».

Еле сдерживалась, чтобы не расклеиться перед этой душой. Я не хотела, чтобы она видела мои слезы. Но, черт побери! Я же совсем скоро заговорю, а эта ебучая доска, словно насмешка мне! Словно издевка, что я молчу, и хрен уже заговорю!

Перевела свой затравленный взгляд от доски в Алинины глаза. Они почему-то успокаивали меня свое яркостью, зеленью. Но сегодня они были отнюдь не счастливыми, спокойными. В ее душе бушевал свой ураган. Думаю, имя его я знаю – Руслан.

И в этом взгляде виновата только ты, Чича.

– Прости. Я думала, тебе пригодится. Легче бы было с нами общаться, – она расстроено откинула доску на рядом стоящий стол и посмотрела в окно, где вновь ярко светило солнце. Наверное, палящее...

Все бы отдала, чтобы выйти на улицу. Именно выйти! Самой...

– Я хотела с доктором переговорить, но он мне не стал разглашать информацию о тебе. В принципе, я догадыва-

лась. Моя мама – она врач. Первоклассный специалист. Я с детства с ней шаталась по больнице, и успела неплохо изучить их внутреннюю «кухню». – Все это проговаривала тихим грустным голосом. Смотрела неотрывно в окно и нежно поглаживала свой выпирающий беременный живот. – Твой врач сказал, чтобы я интересовалась у своего родственничка, а дальше и вовсе расхотел иметь со мной дело, – хмыкнула в задумчивости громко, а после продолжила. – Этот придурок и тут шуму навел. Оба сумасшедшие! – словно обидчиво, буркнула последнюю фразу себе под нос и с чрезмерным энтузиазмом развернулась ко мне на девяносто градусов.

Переполощенная, чересчур счастливая, направилась ко мне.

– Нуу! А у него я не собираюсь интересоваться! Не хочу с ним говорить! Давай я буду задавать вопросы, а ты попытаешься рассказать мне, как твои успехи? А? Что думаешь?

К сожалению, вся ее бравата была наигранной.

Ладно, Алина, так и быть, поразвлекаю тебя. Уж больно твой болезненный вид меня колет.

А кстати, отчего же? Но не успела подумать, как девчонка вклинилась в мои мысли, перебивая.

– Руки начала чувствовать? – взяла меня для наглядности за руку, массируя её. Более профессионально, чем до этого делал Тим.

Моргнула одобрително ей, ощущая сейчас, как она вроде нежно, но и в тот же момент настойчиво нажимает на мою

руку.

– Я рада, значит, уже совсем скоро все будет хорошо. Что по поводу движений?

Поморщилась на ее ответ и услышала искренний задорный смех.

Перевела на нее серьезный взгляд и подумала: «Отчего вот ты такая?! Почему со мной сейчас тут сидишь и смеешься? Разве я сделала тебе что-то хорошее? Почему ко мне приходишь? Помогаете? Я ведь тебя, отчасти, не перевариваю на дух! Я ведь явно пошатнула мир в твоей семье!».

Но, бля, я просто не догоняла! Не понимала ее логику!

– Почему ты так смотришь?

Очнулась от её тихого голоса. Девчонка смотрит серьезно в ожидании. А я, при всем желании, не смогу высказаться. Постаралась вырвать свою руку из ее теплых конечностей.

– Да я в курсе, что ты меня не особо жалуешь, но давай пока это оставим. Мне твоя любовь не нужна. И свое общение я тебе не навязываю. Я просто в такой сложный момент твоей жизни хочу быть рядом с тобой.

Повернулась к ней, и уже более заинтересованно посмотрела на нее. Опять же, назревает вопрос, почему?! Кто я тебе, чтобы быть со мной рядом? Или чувствуешь за собой вину? Свою вину?! Вину за вашего долбоящера?!

– Ладно, вижу, бесполезно, – усмехнулась и поднялась со стула, который всегда стоит около моей кровати. – Я пойду. Буду приезжать по возможности. – Тепло улыбнулась и по-

шла к своей сумке.

В этот момент в палату зашел Тимур, по виду явно успокоившийся. Унявший всех своих внутренних бесноватых чертей. В руках держал бутылку воды. Сам весь мокрый.

Он обливался там?

– Алин?

И вновь за старое! Да что же это такое! Только молчи! Молчи! Ты уйдешь, а мне с ним оставаться наедине!

– Я ухожу, – единственное, что вымолвила, и, обойдя его стороной, хотела выйти. Но...

– Дай хотя бы потрогать. Я соскучился... очень!

Тимур аккуратно придержал ее за руку и то смотрел на ее профиль, то кидал взгляд на живот.

Да, я не знаю, что такое любовь к близким. Тем более, к непонятному человеку, которого вообще еще ни разу не видел! Бред! Людская глупость!

Алина помотала молча головой, и, не глядя на него, вырвалась из его хватки. А через пару секунд, дождавшись, когда она наверняка отдалится от нас, он взвыл! Натуральным зверем взвыл!

Заломила одну бровь и потянула уголок рта от чего-то не вверх...

Это странно, но в данный момент мне его жаль.

Прислонился своим лбом к стене и учащенно дышал, наверняка о чем-то думая. Наверное, я не хотела его стеснять в данный момент, хоть он меня и не мог видеть, стоя ко мне

спиной. Но я прикрыла веки, словно оставляя его наедине с собой.

– Ну что, нимфа, начнем? – сладко поинтересовался мой врач, прежде чем начать очередные попытки в выполнении упражнений.

Немного наклонила голову, и от этого движения коснулась подбородком своей шеи.

– Тимур, пока подальше от нее отойдите. Ей нужно пространство. И вообще, прекратите напирать на неё! – от последнего высказывания удивлена осталась не только я, но и, по-видимому, Тим.

– Пошевели пальцами, – отдал указание доктор, и я мгновенно скосила взгляд к рукам.

Последние дни мне было уже проще шевелить ими. Чувствительность и вправду с каждым днем возвращалась ко мне.

– Хорошо. А теперь поднимай руку.

А вот это уже сложнее!

Но... но у меня, черт возьми, получилось! Широко улыбаясь, подняла руку, и машинально кинула взгляд на Тима. Тот меня в этом однозначно поддерживал.

– Горжусь тобой, – больше прочла по его пухлым губам, чем услышала.

И от этих, вроде простых, слов, разлилось тепло в душе. Я почувствовала не только тепло, но и как душа наполня-

лась счастьем. Оттого, что смогла! И оттого, что этот упырь в данный момент мне тоже улыбается! Оттого, что рядом со мной...

– А теперь коснись волос, красавица, – поморщилась от его постоянных ко мне обращений.

Сколько можно?!

Красавица?! Доктор, тебе явно нужны другие очки. Эти, которые в данный момент на тебе, ничем тебе не помогают. Ты в шары долбишься!

Красавица... ага, безобразная красавица.

Потянула наверх руку к волосам, и, о, черт, я это сделала! Хотела издать победный клич, но вновь кроме страшного бульканья ничего не последовало, что и омрачило всю ситуацию.

– Не расстраивайся, он вернется. Голос! Пока что ты на отлично справляешься с упражнениями. Давай попробуем новое? – хирург явно умел отвлечь и заинтересовать пациента!

Конечно, давайте!

– Теперь ты должна поднять две руки к волосам. Представь, как будто ты хочешь собрать волосы в хвост. Учись. Чтобы элементарные вещи могла делать сама. Ни от кого не зависела.

Я огорченно кинула взгляд на Тима. Это разве новое упражнение? Пыталась взглядом спросить у него. Тот, подпирая стенку и следя за каждым нашим движением, на удивление легко пожал плечами и задумчиво улыбнулся мне.

– Возвращаемся к делу. Не отвлекаемся, – напомнил о себе доктор.

Лааадно...

Чувствительность возвращалась, и одну руку уже было возможно поднять, а две, как оказалось на деле, поднять было непосильной задачей.

– Вот о том и говорю. Новое упражнение. Тянись! Разминайся! Возвращай свой тонус. Чувствуй тело! Нам нужно укрепить каркас! – выдохлась, пока доктор все перечислял.

Руки опали от усталости, сама я вся начала неумолимо краснеть и потеть. Я это зловоние ощущала невероятно сильно! И оно на моем лице вызывало выражение ужаса!

Нет, я знакома с вонью! Я жила в ней долго! Сама могла мыться пару раз в неделю, а то и один. Но сейчас... сейчас это было ужасно. Нельзя было сравнить с каким-то запахом. Хотя... трупным! Возможно, с трупным, прогнившим до пролежней, до мяса, костей.

Бррр... холодно, ссука!

– Заново! – очнулась от хлопка в ладоши.

Не обращая внимания на хирурга, вновь потянулась. Глянула в этот момент на Тима, и заметила, как в этот момент он напрягся всем телом. Подался ко мне, и для кого-то это действие, возможно, осталось незамеченным, но только не для меня.

Сглотнул, как будто судорожно. Кивнул мне, побуждая продолжать, взглядом говоря: «не сдавайся!». Даже показав

лось, что его черные, страшные глаза угрожающе сузились.

С чего бы?

– Давай, давай! У тебя получается, девочка! Прикоснись к волосам! – божеее, пока я думала и смотрела на этого идиота, я что, дотянулась до головы? Обеими руками? Уже? Правда-правда?

Разулыбалась. И улыбка не покинула моего лица даже тогда, когда Тим подлетел ко мне, как сумасшедший. С чувством заключил в свои медвежьи объятия и тихо прошептал:

– Молодец! Я горжусь тобой, милая! Очень. Милая моя...

Но я, летая где-то высоко и до ужаса счастливая, не обратила внимания ни на его обращения в тот момент ко мне, ни на то, что поцеловал в ушко, опалая жарким дыханием, ни на то, что отчего-то по всему телу разбежалась стая мурашек.

– Все, все! Заканчиваем ваши ужимки и продолжаем упражнение! – раздался где-то далеко голос, прежде чем я прикрыла глаза от счастья.

Тогда я еще хотела радоваться таким мелочам. Это ведь были первые шаги на пути к моему выздоровлению, успеху! Тогда я еще не хотела задумываться, что может ожидать меня впереди. Через какие муки мне придется пройти. И что даже любому удачному выполненному упражнению совсем не захочется радоваться...

Тогда я еще не подозревала, как могу возненавидеть человека, который повинен в моем состоянии! Не знала, какая жажда меня будет обуревать, чтобы поквитаться с ним

за все! Убить! Лишить того суку кислорода! Или совершить с ним то же, чтобы загибался и выворачивался наизнанку от дикой боли.

Не знала, что с каждым днем во мне начнет зреть план возмездия. Ежедневно во время тренировки и перед сном буду прокручивать каждое действие, прежде чем нанести свой сокрушающий удар под дых.

Сегодня я еще ни о чем таком не задумывалась.

Глава 9

Будь терпелив и крепок; когда-нибудь эта боль окажется тебе полезной.

с. Сесилия Ахерн

Чича. Наши дни.

Не успела принять на своей кровати сидячее положение, как сбоку раздалось громкое:

– Так, так, так! Ну что? Значит, решила покинуть нас? – сходу, широко улыбаясь, проговорил Артур Азарович, не успев войти в палату. Полы белоснежного и идеально отутюженного халата развевались в разные стороны от его импульсивной энергичности.

Как обычно, рядом со мной он всегда старался быть на позитиве. Ни одного плохого слова я от него так и не услышала за все это время. Признаться, даже грустно с ним будет прощаться. Но, думаю, мы с ним еще увидимся, и не раз.

Тим, собирая наши вещи в сторонке, широко улыбнулся. Что скрылось от глаз врача.

Да, он мне все уши прожужжал, что наконец-то больше не встретит на своем пути этого заносчивого докторишку. Но на самом деле я считаю, что он тоже по нему будет скучать. Я не раз ловила его взгляд на своем докторе. Там явно сквозило уважение к этому человеку.

Улыбнулась и кивнула врачу, возвращая себя к окружаю-

щим меня людям.

Это были сложные два с половиной месяца моей жизни. Их нельзя сравнить с каким-то конкретным отрезком моей жизни. Это время впитало в себя определенную боль. Ту, с которой я никогда еще не сталкивалась. Не знала. Эти моменты останутся в моей памяти навечно, и займут отдельную нишу в моей душе. И я даже боюсь представить, что ожидает меня дальше.

— Ну, я думаю, мы еще встретимся. Я часто бываю в реабилитационном центре, в который вы отправляетесь. Так сказать, навещаю своих пациентов. А сегодня там грядет еще пополнение! — доктор озорно поиграл бровями, намекая последней фразой на меня.

Тимур, находясь позади доктора, застыл. От его слов застыл в полусогнутом состоянии над спортивной сумкой, как вкопанный. В замедленном действии повернул голову ко мне, и уставился на меня прищуренным злым взглядом.

А я что? Я только рада, что увижу его там! Но теперь безошибочно выяснили — скучать он по доктору вряд ли будет.

Пожала легонько плечами, тем самым говоря ему: «отвали».

— Ну что? Тогда это все?

Док замолчал после заданных вопросов на какое-то время. Смотрел на меня лукаво. Со знанием! В желании чего? Рассекретить?

— Тогда не прощаемся... — хитро протянул и вытянул свою

руку для рукопожатия врач.

Не успела вытянуть трясущуюся руку, как доктор немедля заключил ее в своеобразное рукопожатие, назовем это так. Двумя руками с обеих сторон обхватил её, несильно сжимая.

– Я верю в тебя. У тебя все получится, – напоследок обратился ко мне с чувством и спешно покинул нас.

– Наконец-то свалил! – напряженно пробурчал Тим.

В задумчивости перевела взгляд на Тимура, думая о поведение врача.

Как он разгадал меня? Он ведь ни разу не видел, не слышал. Хотяя... он мог и догадаться в силу своих профессиональных знаний.

Любопытно...

Чича. 2 месяца назад.

– Ты молодец. За какую-то неделю научилась управлять руками и наводить красоту на голове!

Да, доктор, рассказывайте. Вас если послушать, то я само очарование, и около меня кругом цветет изумительная красота.

А я просто-напросто научилась заново расчесываться! Ощущая при этих движениях мученическую боль в спине.

– Теперь попробуем упражнение намного сложнее первого. Попытаемся принять сидячее положение. Не сама, конечно. С моей помощью. Сама пока что вообще не пытаешься! Поняла? – сурово глянул на меня врач. – Без геройства, девочка. Сейчас одно неосторожное движение, и все лечение

может полететь коту под хвост.

Да поняла, поняла, что может быть неясно!

– Давайте я сам. Подскажите, как правильно её придер-
жать. Чтобы в будущем я мог помочь ей сесть без вашего
участия.

Перевели с доктором взгляд в сторону, так как к нам вкли-
нился Тимур.

Стоя со сложенными руками на груди у идеально побе-
ленной стены, смотрел на нас отстраненным взглядом. Ску-
лы заострились на смуглом лице, а темные круги залегли под
глазами. Всю неделю у него упадническое настроение из-за
его отношений с родственниками. Урывками, бывает, поки-
дает меня, и в этот момент у меня нет сомнений, что он пы-
тается наладить с ними контакт.

С каждым днем все труднее в себе было подавлять чув-
ство вины.

– Хорошая мысль, Тимур. Прошу! – немного отойдя от
моей больничной койки, врач предоставил освободившееся
место Тиму. – Предплечьем правой руки обхватываешь сза-
ди ее плечи, и очень, повторюсь, очень нежно и аккуратно
приподнимаешь её в положение сидя. Понял? – поинтересо-
вался у него хирург.

Тим кивнул, но не обратил на него никакого внимания.
Подойдя к моей кровати сбоку, навис надо мной и неотрывно
смотрел в глаза. Словно проникая в меня, наполняя меня
чем-то незнакомым.

– Готова? – прошептал.

Но прошептал ли? Может, если бы в ту минуту я не пялилась зачарованно на его пухлые губы, словно их осы покусали, то и не разобрала, что именно он у меня спросил.

Кивнула и сконфуженно отвела от него взгляд. Кажется, в эту секунду я неумолимо заливалась краской.

Да плевать! Плевать! С какой стати ты стала обращать внимание на то, что о тебе подумают?

Не стала, Чича. Тебя начало волновать мнение именно определенного персонажа, который сейчас стоит напротив тебя!

А вот и неправда!

Но все мысли перебил игривый голос на ушко:

– Не бойся своих чувств. Или может ты, еще не успев ничего сделать, захотела отхватить свою награду?

Я дернулась, насколько могла, от выскочки и ошарашенно во все глаза смотрела на него.

Ушлёпок!

Тим начал от моего вида тихо посмеиваться, но доктор нас быстро прищучил.

– Вы долго еще будете играть? Если Вы, Тимур, так мне помогаете, то не нужно. Я сам справлюсь.

– Нет. Я готов. Это у Чичи было минутное помутнение.

Я сильно сцепила челюсти от его заявления. Как мне сейчас захотелось стукнуть его! Желательно, чем-то потяжелее!

А еще тебе хочется его поцеловать!

Нет! Абсурд!

– Хорошо, начинаем. Тимур, аккуратно! – последний резко поменялся в лице и начал меня осторожно, как пушинку, приподнимать.

Господи!

Закрыла глаза, и захотелось в тот же момент взвыть от острой боли.

Божеее, избавь меня от этого!

– Ей больно! – рявкнул псих доктору.

– Это нормально! Так должно быть, Тимур. Поднимай выше, – спокойный голос врача донесся до меня. Замотала головой и почувствовала, как из глаз полились слезы.

Нет... я умоляю!

Разлепив веки, сквозь пелену прозрачных слёз с трудом рассмотрела Тимура. В бессознательном порыве, в желании что-то сказать ему, разлепила губы и тут же почувствовала, что что-то не так. Почувствовала, что проваливаюсь в неведомую пустоту.

– Тимур, клади ее обратно! Срочно!

– Я же Вам сказал! – с укором рявкнул Тим, возвращая меня в исходное положение.

Сквозь толщу воды в ушах до меня доползали уже приглушенные их голоса.

– Давай, девочка, открывай глазки, открывай.

Сама того не осознавая, карабкалась за этим голосом.

Что случилось-то? Разлепила глаза, и снова яркий свет отозвался резью в сетчатке, как тогда, когда пришла в себя после аварии.

Тим нависал надо мной, как обычно, яростно стреляя глазами. Врач что-то записывал в блокнот, хмуря при этом брови.

Да что произошло? И тут, после моих мыслей, словно взорвалась бомба замедленного действия! Этот ушлепок словно сорвался с цепи! Как долбаный ротвейлер вырвался из клетки.

Кажись, в этот момент даже у доктора дрогнула рука с блокнотом, и судорожно под кожей заходил острый кадык.

Мы смотрели, как у одного ненормального отказали тормоза, и внутренние бесы вырвались наружу. Тим сметал все, что попадалась ему на пути. Тумбочку, стол, стул. Прежде, чем вылететь диким ураганом из палаты, ударил пару раз по двери. На той остались внушительные вмятины. Как он еще дверь не продырявил своими ударами, ума не приложу.

Развернула голову к доктору, ловя на его обомлевшем лице обескураженный взгляд.

Да, да, вот, знакомьтесь – пациент психиатрической больницы.

– Ты потеряла сознание при вертикализации. Будем решать проблему. Извини, я оставлю тебя, – недоуменно пробормотал хирург и покинул меня.

И мне оставалось только гадать, что это означает? На-

сколько большую угрозу это несет для меня?

Тимур

Вылетев из злосчастной палаты, в которой я незаметно для себя поселился пару недель назад, шарахнул со всей мощи дверью. Та, по ощущениям, казалось, слетит с петель вслед за мной.

Заметался вперед-назад, ожидая в коридоре старого пиздабола. Не пришлось долго в башке прокручивать мучительную кару этому смертнику.

– Тимур!

Услышав его противный голос, подлетел к нему и схватил за грудки, отрывая от пола.

– Ты, сука, мне каждый день поешь в своем кабинете, что с ней все будет хорошо! Тогда что это сейчас было?! А? Если с ней хоть что-то случится, я тебя лишу всего! Понял меня?! Не только рабочего кресла! Куда не пойдешь, везде дорога тебе будет заказана!

– Поставьте меня обратно! – замогильным голосом вымолвил долбоёб.

Отшвырнул его на метр от себя.

Я не мог сдержаться! Я здесь и сейчас хотел все разнести к хуям! Всю больницу!

Она! В моих! Руках! Обмякла! Как когда-то мать! Как когда-то покинула меня моя мать! Я, сука, подумал, что и ее потерял. Навсегда! Не увижу больше её глаз, смущенной зарождающейся улыбки, никогда не услышу голоса!

– Мы не знаем, как может отреагировать организм. Она только начала делать незначительные попытки. Чича потеряла сознание из-за вертикализации. Это означает, сядь она или встань сейчас, то итог будет один. Абсолютно уверен, что она будет проваливаться в обморок.

Запрокинул голову назад и упер руки в бока, тяжело при этом дыша. Застыл в таком положении от его слов. Закрыв глаза, словил в башке только одну «мысль». Черт! Черт! Черт!

– Что делать? – поинтересовался в резкой форме.

– Искать выход. Возможно, единичный случай. Возможно, нет. Возможно, придется прибегнуть к неким препаратам.

– Ищите выход, доктор. У вас нет права на ошибку. Только не с ней! – я развернулся и пошел обратно в палату.

Один раз эти коновалы уже загубили жизнь важной для меня женщины. Второй не позволю. Даже если придется быть последним гандоном. Всю жизнь ни о чем не задумывался, а сейчас и подавно!

Чича. Наши дни.

– Ну что, готова поменять место дислокации? – с ухмылкой задал вопрос Тим и сократил расстояние между нами до непростительно близкого. – Раскладушку я не собираюсь забирать. Говорят, там кровати широкие... – мечтательно закрыл глаза, явно надеясь на что-то большее.

Коротко хохотнула и рукой оттолкнула в сторону его

оборзевшую и колючую от щетины рожу. Тим подхватил не только мой смех, но не забыл и руку. Прежде, чем отпустить, задумчиво поцеловал в ладонь, явно обдумывая дальнейшие наши планы.

Чича. 1 месяц назад.

Потерла глаза и разлепила их, прищуриваясь от доносящегося шума. Что за проклятье?!

– Разбудил?

Конечно, ты меня разбудил! Какого черта ты, ненормальный, раскладушку притащил сюда? Мало тебе было плазмы?

Да! Этот сумасшедший повесил напротив моей кровати плазму. Вызвал рабочих по установке и меньше чем через сутки у меня появился телик! Впервые в жизни мне сказали:

– Он твой!

Внутри я пищала, как маленькая девочка, а на деле никак не выразила ни благодарности, ни безмерного счастья. А оно было!

В тот момент Тимур как-то странно на меня взглянул, и на долю секунды словно обличил себя. В его черных глазах, которые смотрели в мои голубые, мелькнула обреченная неимоверная боль.

В тот момент, прежде чем он вышел, я почувствовала сильный укор не только в душе, но и в сердце!

Какая же ты идиотка! Могла бы и улыбнуться! Он ведь немало для тебя сделал в этих стенах!

Очень много! Неимоверно много! Никто столько не де-

лал для меня, сколько делает он! Но и не забывается вся его грязь, совершенная по отношению ко мне. Я не могла этого отпустить.

– О чем задумалась? Проклинаешь уже? – вернул в реальность его голос.

Нет. И даже не думала. Ты просто сумасшедший! На кой черт тебе раскладушка?!

Но он, как обычно, догадавшись, о чем я думаю, высказал свое мнение.

– Мне надоело спать на полу или в кресле, – да! Он и кресло сюда притащил! В общем, обустроил и снабдил палату всем необходимым. На данный момент она казалось маленькой уютной комнаткой. – У меня уже спина болит! А еще я могу подхватить воспаление легких! – посмотрела на него, как на душевнобольного идиота.

Повернула голову к окну и... и за окном лето, твою мать! Какое воспаление легких?!

– И не смотри туда! Это ни о чем не говорит. Знаешь, как по полу дует? – я усмехнулась его уловке.

Человек полностью переехал ко мне. Сколько себя помню в этих стенах, он каждый день спал тут, в больнице, не покидая меня. Словно я ночью могу сброситься из окна! Практически весь день и все время со мной. Привез сменную одежду для себя и некоторые мелочи обихода. Принимает душ тут, и я не слышала ни разу, чтобы хоть раз пожаловался на это. Хотя, я могу представить апартаменты душевой больни-

цы. Явно не сравнить с его ванной и душевой, которая находится в его квартире. Тим редко отлучается и, к сожалению, не уверена, что по работе! Я знаю, что он так и не смог уладить проблему с семьей. Алина-то приезжает ко мне постоянно, а его братец оказался еще хуже стоящего напротив меня типа.

Я видела, в каком вымотанном состоянии Тим возвращается ко мне. Как разрывается между больницей, семьей и иногда работой. Как иногда с мрачным лицом односложно ведет разговор с доктором или отвечает на вопросы медперсоналу.

В такие дни я была особо притихшей. В такие моменты мне машинально не хотелось доставлять ему еще больше хлопот. Внутри от его вида что-то болезненно ныло и разрывалось. И чувствовать это мне категорически не хотелось! Не по отношению к нему...

– Ты где витаешь? – вырвал из воспоминаний его хриплый голос.

Что? Опять про воспаление легких лапшу на уши будет мне вешать?

– Снова спала? – нахмурился и провел горячими пальцами по скуле.

Моргнула утвердительно, а так хотелось сказать. Много что сказать...

– Мне это не нравится. Давай будем слезать с них?

Увернулась, скидывая его руку. Мгновенно посмотрела на

него прожигаяще. Он издевается?! Я только из-за этих лекарств начала садиться на кровати! Перестала терять сознание или попеременно блевать! И он мне сейчас предлагает от них отказаться?!

Убийственно его прожигала взглядом, на что постепенно получала такой же. Только в разы хуже!

Значит, он уже все решил для себя!

– Я сказал, мне это не нравится! – начал постепенно переходить на угрожающий тон. Властный!

Какая мне разница, индюк, что тебе нравится, а что нет?! Я начала садиться! Садиться! Ау-ууу! Услышьте, хоть кто-то! Это ведь ненормально снова лишать меня глотка воздуха! Я только воспрянула духом!

– О чем спорим, молодежь?

Нахмурилась от обращения врача. Мы в принципе не можем спорить! Я не говорю, вообще-то!

Тим, выпрямившись, посмотрел на Артура Азаровича.

– Я считаю, что нужно прекратить прием таблеток! Она очень много спит. – Выдохнула с шумом на его реплику и закрыла глаза.

Ненавижу! Вот! Я снова его ненавижу! И раскладушку его готова вышвырнуть отсюда к ебням!

Сжала свои кулаки, насколько мне позволяла моя теперешняя сила, и начала прислушиваться к их голосам.

– Можно попробовать. Но... но, возможно, мы рано отказываемся. Возможно, до сих пор не решили её проблему. Я

тоже заметил, что они на нее влияют, как седативное средство.

– Они ее не успокаивают! Они ее выключают. Это не есть хорошо!

– Будь по-вашему. Снимаем её с этого курса. Завтра попробуем сесть без них.

И, на удивление, у нас все получилось! На следующий день, и через день, и через пару дней тоже все вышло хорошо! Я начала садиться и не шлепаться в обморок!

И, в конечном итоге, через неделю наших совместных упражнений я украдкой из-под ресниц кинула взгляд на Тимура, который сидел на моей кровати и настраивал телик, ставя нам какой-то недавно вышедший фильм.

– Что смотришь?

Резко перевела взгляд в сторону пола. Как, черт возьми?

– Поздно. Ты попалась, давно! Что? – откинулся на моей кровати и теперь сидел полулежа, тем самым обхватывая своей мощной рукой мое хрупкое тело. Казалось, что моя фигура тоньше его лапы!

Нежно схватил меня за подбородок двумя пальцами, приподнимая лицо, чтобы опалить меня своим горячим взглядом.

– Ну, так что?

И как мне ему сказать?

Разлепив губы, немо сказала одно слово. Если прочтет по губам, то все поймет. Для него это не составит труда.

Спасибо

Думаю, он все понял, иначе сейчас не загорелись бы жаром его жгучие глаза. Не растекалась бы в них по радужной черной кайме раскаленная магма. Не топила бы меня в черной глубине его глаз.

Сумасшествие...

– Иди ко мне, – возбужденно, с хрипотцой прорычал и сам жадно набросился на мой рот.

Каждый раз не передать словами, что я ощущаю, когда он меня касается. И каждый раз стараюсь побороть саму себя. Или свое тело, Чича? Или уже и мозг?

Сердце... сердце я точно оставлю себе.

Нееет... Не делай этого с нами. Я не хочу!

Постаралась оттолкнуть его, но он ничего не чувствовал! Он только больше напирал на меня в поцелуе, пытаюсь протолкнуть свой язык! И словно не трахался целую вечность!

Он сожрет меня сейчас! Что он делает? Или так и надо? Гооспооди...

Схватил грубо за шею, обхватывая ее всю. Рыкнул сквозь поцелуй и принялся перебирать мои губы в желание углубить проникновение своего языка.

– Дай... ты же хочешь, – облизывал языком уже не только губы, но и скулу, пробираясь к ушку.

С глухим стоном зарылся в мои волосы и с остервенением прижал к себе. Но, услышав болезненный звук, изданный мною, резко разжал руки.

– Прости, прости, я не сдержался. Сильно было больно? – пьяным взглядом глянул на меня.

Он же неадекватен. Снова! Даже если скажу слово, он не поймет, что я наконец-то заговорила! Что ко мне вернулся голос!

Лихорадочно сглотнула и смотрела на него во все глаза.

Приди! Приди в себя, Чича! Что ты творишь?! Это все тот же человек, который тебя бил! Который называл тебя шлюхой! Подстилкой бомжей и всех нуждающихся! Тот, который каждый раз тебя втоптывал в грязь и не считал за человека. Тот, для которого семья важнее всего! Тебяяя, Чича! Важнее тебя! Ты всегда на последних ролях. Для своей мамыши! И... и для него. Даже для него.

Но он ведь тут, с тобой! Постоянно! Он ведь старается!

Это временно! Пока не надоест. Пока не наиграется.

Слабой... какой же я стала слабой падалью.

Взгляд напротив начал проясняться. Начал видеть каждую эмоцию, отражающуюся в моих глазах.

С тяжелым вздохом откинулся на кровати через меня и снова вернулся к телевизору.

– В этот раз ты быстро пришла в себя, – расстроено прошептал, не оборачиваясь на меня. Свел брови к переносице и нажал на кнопку пульта сильнее, чем нужно.

Да, почему-то это стало происходить чаще. Наши поцелуи. Почему он вообще это делает? Я ни за что не поверю, что такая, как я, ему могла понравиться! Я видела его вкус,

и он далек от меня.

– Привет! Что за напасть?! Дурдом какой-то! – Алина, тяжело дыша, оперлась рукой на дверь моей палаты, стоя в полусогнутом состоянии.

Придерживая огромный живот, еле смогла выговорить. Задыхаясь, с одышкой, прохрипела:

– Вот какого лешего ты забралась на пятый этаж? М? Не могла на второй, в травматологию?

Я заломила бровь от ее глупой шутки.

– Ну, прости! – раскинула руки в стороны.

Кинула свою сумку и пакеты на стол и подошла ко мне.

– Ну, как ты? – заправила прядь волос мне за ухо и аккуратно провела пальцем по моей щеке.

– Уужжеее, – выдохлась. Набрала в себя побольше воздуха и на выдохе вымолвила следующее слово, – саажууу...

– Уже садишься? – перебила меня Алина, чтобы я не мучилась. Моргнула ей одобритительно. – Ну, ты и так садилась! – с недоумением протянула она.

Мотнула головой на ее ответ и с трудом снова попробовала.

– Бееезз ттаааббл...

– Без лекарств? – удивленно протянула и приподняла изящную бровь.

Кивнула легонько и счастливо улыбнулась ей.

– Я рада! Значит, теперь следующий этап?

– Да, – надломленно, ломающимся голосом выдавила.

– Ты с ним так и не заговорила? – девчонка двумя руками оперлась на мою кровать и пытливо посмотрела на меня, ожидая ответа.

Мотнула головой, и с изменившимся вмиг лицом уставилась в окно.

– Почему? Не думаешь, что пора? – я резко скосила на нее глаза и сощурилась.

– Я неее хооочу.

– А может, не готова?

– Выымеетайся! – раздражаясь от её верных вопросов, я начала чувствовать, что выхожу из себя.

– Никуда я не пойду! Ты издеваешься?! Я еле поднялась к тебе, а ты уже прогоняешь! – начала она распалаться и размахивать руками.

Фыркнула на ее возмущения, мгновенно оттаивая.

Не знаю, почему, но она странно действует на меня. Лежат тут в четырех стенах, я задумалась о том, что не получается на нее долго злиться! Да и не получалось мне ее разгадать! Возможно, я и не добилась этого до сих пор...

Первым и последним человеком, который узнал, что ко мне начал возвращаться голос, стала она.

Почему? Почему не тот же Тим, который практически сутками находится возле меня? Не знаю! Это получилось спонтанно!

В очередной раз, когда она ко мне пришла. Когда снова

накупила мне всего, я не удержалась и спросила:

– Зааачее...мм ты приезж...ааешь?

Тогда она застыла с открытым ртом и расширенными глазами на продолжительное время. А я не могла поверить, что этот вопрос я задала вслух, а не в своей голове!

Господи, как же, оказывается, привыкаешь, когда ведешь в башке свой монолог. Когда ведешь разговоры с кем-то, но тебя не слышат. Увы!

Каждый раз кажется, что ты сходишь с ума! Что больше не заговоришь! Просто потому, что тебе больше не дано! Потому что какой-то ублюдок тебя лишил этой возможности! С каждым днем все больше боишься, что вот сегодня ты слетишь с катушек!

И вот я задала вопрос наяву! Ей!

– Я хочу. Тебе нужна поддержка. Я тебя поздравляю, девочка! Ты заговорила!

И в тот момент у нас синхронно потекли слезы из глаз. В тот момент я посмотрела на нее под другим углом. Я больше не хотела ненавидеть. Я не то, что выдохлась, я иссякла. Я не хотела еще больше себя растрачивать. Мне нужны силы!

В тот момент своей жизни я выплыла на поверхность. Я очнулась. Подумала, что, возможно, стоит оглянуться на людей и разглядеть, что не все желают тебе зла. Не от всех исходит угроза. Не стоит в каждом видеть врага. Я так сильно погрязла в дерьме, что и не заметила, как сильно навредила хорошему человеку. Как этот хороший человек, не смотря

на причиненную мной ему гадость, ответил мне добром.
Задорный голос вернул из воспоминаний в реальность.
– А раскладушка вам для чего?

Мои глаза взглянули на нее хитро, а губы непроизвольно расплылись в улыбке.

И в этот момент я словила зарождающийся счастливый взгляд в зеленых глазах.

– Моя хорошая, доброе утро! И Вам доброе! – Артур Азарович зашел к нам в палату, насвистывая какую-то веселую мелодию. На последней своей фразе доктор кинул презрительный взгляд в сторону раскладушки Тима.

Тот опустил ноги на пол, а сам сидел на ней. Локтями уперся в колени, а массивными ладонями тер лицо, сбрасывая с себя остатки сна.

Понимаю... грустно на него посмотрела. И я хочу выспаться. Но, чувствую, нескоро представится мне такая возможность.

– Сегодня начнем учиться пересаживаться...

– А потом? – воодушевленно перебил врача мой сосед по палате, услышав о новом упражнении.

Переглянулись с ним и, как это обычно бывает последние две недели, заговорщицки улыбнулись друг другу.

– А потом ползание. Но это, дорогие мои, уже в центре. Где тебя начнут ставить на ноги! – после слов врача я отчего-то поникла.

Артур Азарович мгновенно изменился в лице, глядя на меня.

А я вроде и жила тем, чтобы скорее переехать в тот мистический центр. Перебраться туда, где дадут шанс вновь встать на ноги! Но... но то, что он сейчас сказал...

Ползание? Я ползать должна? В смысле, учиться? Я, может, ослышалась?

– Мне казалось, что ты хочешь встать на ноги?! – с сомнением протянул врач.

Кивнула, поникнув.

– Она хочет. Но ей явно не понравилась мысль про то, чтобы ползать, – повернула голову к Тимуру и словила его миг потемневший взгляд.

Почему? Отчего ты сейчас злишься? Из-за чего нервничаешь?

Начал натягивать на себя спортивное трико, зло сопя. И моё собственное настроение резко падало, образуя в груди дыру, заполняя болью и тоской. Тело постепенно немело от немого укора в черных глазах.

– Она ведь думала, что сразу встанет на ноги там! Стоит тут научиться ерунде! Думала, поднимешься сразу и пойдешь, куда тебе вздумается?! М? – так остро глянул на меня, словно жгучими глазами разрезал на куски.

Да что я сделала такого? Я даже слова не сказала! Поэтому и не хочу при нем говорить! Никому не будет лучше, если я открою свой рот.

Очнувшись, вздрогнула от оглушительного хлопка двери. Какой же ты сумасшедший, – с грустью подумалось мне.

Перевела внимание вновь на доктора, который исподлобья сверлил взглядом дверь.

– Вы, не успев съехать, такими темпами выломаете мне дверь, – укоризненно буркнул врач.

Тимур

Молниеносно успел добежать до толчка и поднять стульчак, прежде чем меня снова всего вывернуло наизнанку. Мышцы и все тело сокращались в удрученной агонии. Спазмы накатывали один за другим, не давая передышки. Накидывая хомут на шею, затягивая потуже, грозясь задушить в своей же блевотине.

Сука, когда же это прекратится!

Мало того, что с семьей траблы, так еще охуенные глаза этой стервы каждый день убивают. Втаптывает меня, измывается надо мной! Всем своим неприступным видом! Своей живой мимикой! Сильными, сметающими с ног эмоциями!

Как же она сильно хочет сбежать от меня! Как же жаждет свободы! Так и видел сейчас в ее глазах, как потух огонек надежды!

Хуй ты избавишься от меня, моя милая! Не в этой жизни! Даже во снах не оставлю тебя!

Мояяя!

Завалился на холодный кафель и громко прорычал:

– Моееей будешь!

Чича

Глянула на время в каком-то жутком нетерпении.

Ну, и где ты ходишь? Час прошел! Все твои вещи тут!

Словно услышал мой громopodobный внутренний крик, явился, распахивая дверь.

Сузила глаза и обвела его внимательным взглядом. Что-то не так!

Блядь, и я же типа не говорю! Но как выяснить?

Но выяснять ничего не пришлось. Не оборачиваясь ко мне, он ехидно начал тянуть издевательские фразы. И вот в них я слышала сквозившее отчаянье. Пустоту. Очередной его холод.

Я не верила, что он хочет мне сделать больно. Но я верила, что в данный момент больно ему...

– Заруби себе на носу, Чи-чаа, – поморщилась от его обращения. От старого, вернувшегося произношения. – Чтобы научиться ходить, нужно научиться ползать. Но ты никогда не сможешь от меня ни уползти, ни, уж точно, уйти. А если захочешь!

Зажмурилась и сильно задышала, сжимая кулаки.

Нет! Нет! Остановись... остановись, прошуууу, тебя несет! Я привыкла! Привыкла к тому Тимуру! Я не хочу тебя!

– Открыла! – рывкнул на меня, уже стоя надо мной. Не терпящий возражений. Повысив голос в приказном тоне.

Помотала головой, отказывая. Иди к черту, сумасшед-

ший!

– Не заставляй меня повторять дважды.

Вздрогнула и почувствовала, как по телу рассыпалась стая мурашек. От того, как близко оказался. От того, как медленно и тихо протянул около моего уха. От того, как по-змеино-му у него вышло. Словно и на языке вышло у него другом.

Демон чертов!

Медленно разлепила веки, прогоняя внутренний страх. Врезаясь в его взгляд с достоинством. Не с опущенными глазами. Не с поникшей головой. Не смея и слезинки проронить. А могла бы и пощечину залепить ему за то, что позволяет себе со мной так говорить!

Ни за что, твою мать! Ни за что!!!! Я же даже ничего не сделала!

Схватил грубо одной рукой за скулы и тихо прошептал у моего рта, выдыхая горячий воздух, опалая мои губы.

– Не сбежишь! Даже когда на ноги встанешь!

Он идиот! Идиот редкостный! Болван! Я даже никак не обмолвилась, что от него свалю! Но стоооп! Мы договаривались о том, что он ставит меня на ноги и отпускает!

Нахмурила брови, соображая обо всем и прокручивая его слова, когда договаривались. В этой чертовой палате!

Да что ты хочешь от меня?! Что тебе нужно?! К чему эта ярость сейчас? Что за неадекватное поведение?!

– Дааа. Даааа. Не отпущу. Рыпайся, тужься, сколько хочешь. Но каждый раз я тебя буду обламывать! Везде тебя

отыщу! Не спрятаться, не скрыться! Поняная? – на последней фразе протянул, как псих, и улыбнулся беззаботно, стараясь держать себя в руках.

Кто ты, человек? Что ты?

На этих мыслях он впечатался в мои губы, зло жала их. И я чувствую, как вымещает на них всю свою злобу. А после резко отклоняется в сторону, чтобы большим пальцем надавить на мякоть моих губ и маниакально стереть нашу влагу.

После осознания всех сказанных им слов и его действий, я, как никогда, захотела узнать о нем все...

Чича. Наши дни.

– Ну что, едем? Ты готова? – потянула уголки губ на вопросы Тимура.

Кажется, он нервничает за меня больше, чем я сама.

Кивнула положительно.

Тим, оказавшись рядом со мной, приподнял мое лицо за подбородок. Пронизываяще, проскальзывая мне под кожу, вкрадчиво отрезал:

– Запомни! Там ты смотришь только на себя. Ни на кого больше! Думаешь только о себе! Ни с кем себя не сравниваешь! Не сочувствуешь никому и не завидуешь! Поняла?

Прикрыла устало глаза и кивнула.

С первым справиться будет проще простого, а с последним, как оказалось, трудновато.

Переоценка ценностей уже вошла в свою силу здесь, в больнице. В четырех стенах. Боюсь представить, что будет

там...

– Я рядом. Я и там буду рядом. Поехали, милая.

Я судорожно выдохнула, слыша это ненавистное обращение. Сцепила сильнее зубы, но постаралась никак не омрачать нашу поездку своим настроением.

– Машина готова! – заглянула к нам медсестра, чтобы проинформировать.

– Спасибо! – кинул Тим, не глядя на нее, и вытащил из кармана спортивных «найковских» удлинненных шорт звонивший телефон.

Вмиг поменявшись в лице посерел.

– Это тебя. Мне она даже слова не скажет. Надеюсь, она не родила, – надломленным голосом выдавил он и отдал мне свой новый телефон. Купленный почти сразу после того, павшего смертью храбрых в моей палате.

Я ответила на звонок Алины. Мы обе продолжительно молчали.

– Это ты, Чич? – с выдохом спросила девчонка, убеждаясь, что не с Тимом говорит.

Язык зудел, чтобы ответить, но я не могла в его присутствии. Прожигала его спину в надежде, что оставит меня. Но он, отвернувшись, стоял у окна, сжимая судорожно кулаки.

Дергается...

– Он рядом?

Помолчав пару секунд, услышала очередное её:

– Поняла! Я почему звоню. Извини, я больше не приеду

к тебе. Точнее, не скоро. На днях рожать. И меня один псих дома запер! – последнее прорычала сквозь зубы.

Хохотнула от этой вмиг озверевшей истерички. Очередная сумасшедшая! Заслуживает звания своей семейки.

– Я знаю, что ты переезжаешь в другую больницу сегодня. Я говорила с Ниночкой по телефону. Чич, ты справишься. Там... там очень трудно. Там дух может сломить не твое состояние, а окружение. Но ты очень сильная. Я давно в этом убедилась. Ни на кого не смотри. Иди к своей цели! Подожди! Я поняла, что отключишься сейчас! Я еще приеду! Удачи и до скорого, – на этом телефон резко замолчал.

– Пожалуйста, скажи, что она не родила, – Тим медленно развернулся и с тяжестью поднял на меня глаза от пола.

Поникшие, грустные, болезненные.

Показала сначала два, а потом три пальца, тем самым говоря: «скоро».

Кивнул и выдохнул, устало потирая глаза.

– Я должен в этот момент быть с ними. Я не смогу в стороне. Не смогу. Не могу без них... – шептал сам себе, находясь в какой-то изнуряющей агонии. Находясь далеко от сюда.

Знаю... не сможешь. Ты будешь там! Она уже простила тебя. А что с твоим братцем происходит, я в душе не ебу!

Глава 10

Тимур

– Тимур? Задержитесь немного.

Я обернулся через плечо на оклик врача.

Твою... ругнулся про себя.

– Мы, как бы, торопимся. Вы сами говорили, что там строго по времени, – не оглядываясь на него, тревожно вел взглядом за девчонкой.

Чичу переложили на каталку, чтобы из палаты транспортировать в скорую. Нина, перенося вес на две руки, опиралась на каталку у подножия её ног. Подвезла к грузовому лифту, собираясь завозить девчонку в него.

– Я не буду долго Вас задерживать. На пару слов, – после слов врача столкнулся с её напряженным прозрачно-голубым взглядом.

– Я догоню вас. Езжайте! – пробасил на весь коридор.

Среагировала, как всегда, мгновенно. Моргнула, тем самым успокаивая меня.

Множество людей в белых халатах сновали по больничному коридору. Я за это время так и не смог привыкнуть к местному контингенту и к этим давящим стенам.

Дождавшись, когда створки лифта захлопнутся за ней и её медсестрой, развернулся к хирургу. Руки спрятал в карманы шорт, а в одном из них от чего-то начал нервно перебирать

пальцами пачку сигарет.

– Что? – вмиг поменявшись, угрюмо поинтересовался.

Я желал не только поскорее из этой больницы свалить, но и от врача, стоящего напротив меня, и который сидел у меня в печенках, избавиться.

– К ней вернулся голос. Вы должны это знать. В принципе, больше не задерживаю.

Он развернулся и начал, как в замедленной съемке, отдаляться от меня. Я не вымолвил ни одного слова. Еще на первой его фразе выпрямился и застыл.

С каждым его шагом от меня, в моих висках по нарастающей зашкаливал пульс. Жадно втягивал вонючий местный воздух и менялся в лице.

Голос вернулся? И даже не обмолвилась?! Ну что ты за сука такая?!

Чича

Дурное предчувствие не покидало меня всю дорогу, пока Нина везла меня до машины. Хорошему настроению даже не сопутствовало то, что впервые за долгое время я очутилась на улице!

Прищуриваясь от яркого теплого солнца, старалась хоть немного насладиться обжигающими кожу лучами. Хоть немного сбросить невидимые оковы поганого предвкушения.

Что за нахрен?

– Не переживай, сейчас он нас догонит.

Скосила глаза на Нину и... И что? Это так заметно?!

Но стоило ей меня подвезти к скорой помощи, как обнаружила в центральных дверях его! Идущего к нам размашистым нервным шагом.

Опять пересрались?

Его плохое настроение уже чувствовалось на расстоянии. Стоило увидеть его походку, то, как достает из пачки сигарету и раздраженно прикуривает, при этом наклоняя немного голову вбок, я поняла, что дело дрянь.

Он еще ко мне не подошел, но я была уверена, что ничего хорошего от него сейчас можно не ждать.

Когда оказался около нас, я уже была в машине. Скосила вниз на его глаза и смотрела, как нервно затягивается каждый раз сигаретой, прищуривая правый глаз.

– Я на своей поеду.

С какого рожна?! Ты же сказал, что сядешь со мной!

Но все вопросы отпали, когда он посмотрел мне в глаза. Когда вперил в меня свои остекленевшие, неменяемые. Сверлил меня в данный момент недобрым взглядом, словно прощупывая всю.

Да, лучше тебе свалить сейчас в свою тачку. Я не хочу с таким тобой ехать.

Отчего-то криво усмехнулся, глядя на меня, и сдвинул свои пальцы до хруста, сминая сигарету.

– На месте встретимся! – отрывисто выкинул в сторону бычок и развернулся в направлении своей машины.

Двери скорой захлопнулись, отрезая меня от него.

Прикрыла удрученно веки, ощущая внутри разрастающееся беспокойство. С каждым днем становилось все сложнее и сложнее не обращать на него внимание. На действия и поступки Тима.

Тимур

Забравшись в салон своей тачки, с психу саданул дверцей, захлопывая её. Не соврал хирург! Голос к ней вернулся!

– Сука! Сука! Сколько еще ты меня будешь изводить?! – проорал во всю глотку, подаваясь вперед к лобовухе.

Но и этого оказалось мало для того, чтобы прийти в себя. Мутным взглядом уставился на кожаную оплетку руля.

Нет! Нельзя ехать в таком состоянии!

– Придушу! – прогремыхал и ударил пару раз руль, представляя на его месте её.

Не медля больше ни секунды и не тратя нервы, завел тачку. Стартанул с парковки больницы, шурша покрышками по гравию.

Чича

– Ну, вот и все. Приехали! – вернул меня в действительность голос Нины.

Она распахнула задние двери неотложки и схватилась за мою каталку, чтобы вывезти меня.

– Отойдите, я сам!

Тимур вырос из ниоткуда и процедил по слогам, зажимая в зубах сигарету.

Какая по счету? Да что там у них случилось? Если... если только... Да неее. Нет! Врач-то и сам точно не знает!

Вывез меня из машины на улицу и надменно взглянул. Уголки губ язвительно потянулись вверх.

– Хочешь? – спросил, придерживая губами сигарету и щурясь от жгучего дыма. Двумя пальцами зажал её и протянул мне.

Свела брови и посмотрела изучающе.

– Тимур Маратович, Вы что такое говорите?! – Нина закудаhtала возле нас.

– Перестаньте, Нина, я не удивлюсь, если в зажигалке у нее найду пару спрятанных, – зло подмигнул мне.

От осознания ситуации мои глаза начали постепенно расширяться.

Он знает, Чича! Он все узнал, иначе не просачивалось бы из него все дерьмо, которое в нем сейчас кипит. Только портит своим смрадом тут воздух!

А чего ты ждал? М? Что ты будешь первый? Что тут же развяжу свой язык и начну тебя за все благодарить, благодетель ты наш?! Начну именно с тобой разговор? А я разве должна? Я ничего не должна тебе! Ничего! И ты не имеешь права сейчас так смотреть на меня! И сколько мне нужно, столько и буду молчать!

В тот же час на смуглом лице напряженно заиграли желваки на его челюстях, наверняка от моего нерадушного вида в данный момент.

Плевать!

Да? Уверена? А отчего тогда тобой постепенно овладевает уже такой знакомый страх?! Пропитанный болезненным ознобом! Тот персональный страх, которым владеет он! Он словно хозяин всех адских чертей и бесов, живущих в преисподней! Главный обладатель пакости и мерзости людской.

– Я тебе в следующий раз шею сверну, как куренку. Или вырву наверняка твой язык! Перестань мне каждый раз лгать! Завязывай! Ты даже не можешь себе представить, что я делаю с предателями! – резко нагнулся к моему лицу и словил около моих губ судорожный выдох. Режуще глядя в глаза прошептал так, что мороз пробрал до костей. – Ты уяснила меня, милая?

Знает, что ненавижу это слово, но все равно подковыривает! Выводит! Беспечно подначивает меня!

Выкуси, осёл! Ни черта я тебе не покажу свое раболепие. Не на ту напал. Иди, ищи себе овцу в поле городского мегаполиса. Ты явно адресом ошибся.

Прикрыла глаза, улыбаясь. Но в следующую секунду он вцепился в мою руку и на ушко прошептал:

– Зря! Думаешь, разговор закончен? – издал легкий смешок. – Я просто так это не оставлю!

Открыв глаза, словила ликующую ухмылку капризных губ.

– Делаеть, что вздумается? Ну, что ж! Давай поиграем по твоим правилам! – выпрямился и больше не глянул на ме-

ня. – Едем, уже время, – посмотрел на наручные спортивные часы и беззаботно отозвался Нине, стоящей неподалеку от нас.

Я сузила глаза, смотря на него. Внутри безудержно начала кричать, боясь, что хоть один звук может вырваться из меня.

Да не играю я! Не играю! Я просто решила не говорить! Мы же с тобой как кошка с собакой! Чем больше я буду молчать, тем дольше мы продержимся и не поубиваем друг друга!

Вот! Вот он снова теряет рассудок и несет околесицу!

– Да, Тимур Маратович, нужно успеть вовремя оформить Чичу.

Он кивнул и сам повез меня ко входу в центр.

Зловеще сопела, пытаясь отвлечься от обреченных мыслей. Посмотрела по сторонам, подмечая каждую мелочь.

Нас встретило двухэтажное невысокое здание молочно-кофейных оттенков. В округе зеленый газон и зеленые высокие деревья. Мощные раскидистые кроны тополей укрывали медицинское здание от яркого солнца.

– Здравствуйте! – выбежала к нам молодая медсестра и услужливо начала бегать около нас.

Ясно! И тут успел каждому распахнуть в карманы свои бабки!

– Здравствуйте, – равнодушно кинул ей Тимур.

– Нужно оформить документы о вашем поступлении, а потом мы покажем вашу комнату.

Мммммм... Взыла снова про себя!

Раз денег у тебя хоть отбавляй, ты не мог заселиться в отдельную палату?!

– Я вчера заезжал. С Дмитрием Полянским все решил!

– Да, да. Мы знаем. Но фамилия не указана в бланке пациента. У нас так не принято.

Нервно сглотнула, слушая их разговор с закрытыми глазами.

Мою фамилию он не знает. Только кличку. Так и должно дальше продолжаться! С его связями он может начать копать.

Заехав в просторное светлое здание, где умеренно работали кондиционеры, заметила, что в каждом углу помещения стоят очистители воздуха, высокие декоративные живые деревья в огромных горшках. Молочный ситцевый тюль красиво обрамлял каждое окно. Сверкающие до блеска мраморные полы бросались в глаза из-за яркости красок.

Да уж, ему явно тут все влетит в копеечку. А как он разбрасывается деньгами, так вообще отсюда выйдет без гроша в кармане.

– Фамилию! – нагнулся ко мне и заглянул в глаза.

Я даже вначале растерялась от его резкости.

Немного подумав, решила, что юлить не буду. И так достаточно того, что сегодня раскрылось.

Помотала головой, отвечая на все. Даже на то, что я еще не готова с ним говорить! Он поймет! Он очень тонко меня

чувствует! Успела уже убедиться за два с половиной месяца.

Сверкнул гневно глазами, задерживаясь на мне дольше обычного.

– И это я тоже узнаю! – еще ближе подался и отрывисто мне бросил.

Выпрямился и прочеканил молоденькой медсестре, которая не сводила с него восторженного взгляда.

Дура набитая!

– Астемирова!

Сбилась с мысли, пока сыпала все проклятия на залившуюся румянцем девицу.

Чего? Какая, к черту, Астемирова?! Я не из их шайки-лейки! Вот Алине нравится, пусть варится в их... семейке, черт побери! Дьявол всех разорви к черту!

Хотя, о чем я?! Он же собственной персоной рядом со мной и стоит!

– Спасибо. Записали! Пойдемте, я Вас проведу!

Конечно, она нас проведет! Она теперь от нас вообще вряд ли отвяжется! Так восхищенно заглядывать в рот этому ушлепку! Щебетать на весь коридор, как влюбленная дурочка! Кидать на него кокетливые взгляды из-под пушистых ресниц.

Серьезно? Seriously?! И он это не пресечет?!

– Прошу, вот ваша с сестрой комната, – что? Она вообще идиотка?! Где она увидела брата и сестру? Я светлая, он темный!

– Она мне не сестра. Оставьте нас.

И на том спасибо, что расставил все точки над и.

– Извините. Ваши фамилии... – но стоило Тиму через плечо кинуть на неё свой фирменный взгляд, как её тут же ветром сдуло.

– Тут намного лучше, чем в твоей прошлой больнице.

Только сейчас я осознала, что мы в комнате. Да, в комнате. Не в палате. Хотя и палата наша со временем превратилось в комнатку. Наша?

Ну да! Мы же оба там жили!

Фыркнув вслух на свой внутренний монолог, медленно прошлась взглядом по помещению, в котором будем отбывать хрен знает, сколько. Именно отбывать! Не находиться.

Господи, сколько это будет еще продолжаться?!

– Нина еще останется с нами на сутки. Завтра все объяснит врачам и физиотерапевту, передаст карты и вернется к своему ненаглядному Артурчику, – теребил рукой штору, которая прикрывала комнату от яркого летнего солнца. – Я в душ! – откинул небрежно ткань в сторону. Развернулся и, не глядя на меня, ушел.

В нашей палате была отдельная душевая комната. Да и вообще, палата напоминала однокомнатную квартирку с мебелью геометрических форм. Только кухня в ней отсутствовала.

Кровать с нужными для меня приспособлениями, стоящий рядом белый комод и зеркальный высокий шкаф. И тут,

в этой больнице, плазма висела на стене напротив кровати, а под ней длинный белый столик со стулом и широким креслом. Чистые, спокойные тона зрительно делали маленькую комнатку более вместительной.

Пока осматривала каждый уголок, пока прокручивала все мысли, явно заскучала. И тут-то мне и захотелось приключений!

И что? Я сама еще не перелезу на кровать. А он там уже минут десять, не меньше. Может, дожждаться?

Прикрыла глаза и как обычно набрала в легкие побольше воздуха, прежде чем приподняться на руках.

Давай, Чича! Ты уже не раз это проделывала!

Дрожащей рукой – теперь только такой – крепко ухватилась за свою каталку. Медленно начала приподниматься, чтобы попробовать перекатиться на рядом стоящую кровать.

Нет, так не выйдет! Нужно сесть. Давай, как учил Артур Азарович!

Практически! Дрожа всем телом и поджимая губы, стараюсь их не прокусить от боли, практически достигла своей цели и села. Но один осел, выйдя из душевой в одном полотенце, завис при виде сидячей меня.

Оба уставились друг на друга в немом вопросе!

Он – какого черта я села?!

А я – какого черта ты вышел ко мне в одном полотенце, повязанном на бедрах?!

Черт! Я же просила его!

Сглотнула и не смогла отказать себе в том, чтобы обласкать взглядом его тело. Поджарое, мускулистое! Так и хотелось провести языком и собрать все капли с него...

Что??

Резко зажмурилась от того бреда, что сейчас несла в своей башке!

Что? О чем ты подумала? Обласкать? Ты – и обласкать? Ты – и облизать его тело? Ты что, идиотка, совсем все мозги растеряла? Боооже, это же клиника! Меня вместе с ним упекут в психушку, твою мать!

Внезапно очнулась. Глаза расширились, наверное, до неузнаваемости.

Какого хрена он с нечитаемым лицом двинулся на меня?! Нет, нет!

Для наглядности помотала головой. Только бы не приближался.

– Зачем ты встала? Подождала бы немного меня! – на удивление, сказано это было без нажима, что уже неплохо. – Обхвати мою шею, – от его слов в груди все перевернулось, и я почувствовала, как жар растекся между ног.

Только не сейчас! Только не эти чувства!

– Давай. Обхватывай!

Прижал к себе, придерживая меня обеими руками за спину. Да, кому, как не ему, знать, что я до сих пор не научилась сидеть без опоры на нее.

Расцепила руки от поручней и аккуратно потянулась к

нему, чтобы обхватить. Он не раз меня так перекладывал или переносил в процедурные кабинеты в прошлой больнице. Но было более привычно, когда он делал это в одежде.

Дотронулась до мокрой смуглой кожи и, прежде чем крепко обхватить, на миг мне показалось, что я бессознательно погладила его пару раз.

Его кожа вмиг покрылась мурашками то ли от прохладного воздуха, то ли от моих прикосновений.

Стоило мне только коснуться его, как я резко обвила Тимура руками и устроила свою голову на его плече. Вроде секунда и он меня отпустит, но со стороны казалось, что я нескоро его отпущу.

И я никак не ожидала, что он сам завалится на кровать, а меня уложит на себя сверху.

– Почему не сказала, что голос вернулся?

Сжалась на нем в комочек, сильнее зарываясь носом в его шею. Зажмурила глаза, словно прячась от него. Словно и не он подо мной. Словно не увидит меня в этой комнате.

– И долго еще будешь молчать? – тяжело вздохнул и принялся поглаживать мою спину.

Пожала плечами и спустя пару секунду ощутила поцелуй в ухо.

– Ты меня разозлила сегодня. – А то я не заметила! – Не делай так. Эта чертова доска валялась в палате хуеву тучу времени! Ты могла бы написать, уведомить меня, если не хочешь говорить со мной. Я с тобой во всем этом варюсь не

потому, что так надо. Я говорил – я хочу! А это означает, что я переживаю за тебя! Заруби себе это на носу, когда в следующий раз захочешь что-то скрыть.

Наверное, я верю... сейчас верю. Верю, что он переживает. За меня! Видела и ощущала на протяжении двух с половиной месяцев его поддержку. И на этом ведь мой путь еще не закончен. Тут, в этой больнице, начинается новый отсчет. И неизвестно, сколько он продлится! Как я слышала, люди живут тут годами.

Но вопрос в другом. Сомнения! Выдержит ли он все?! Продержится ли со мной до конца?!

Хотя и этого вполне достаточно. Кто для меня совершал хотя бы малую часть того, что сделал он? Никто... и никогда.

Очнулась от своих мыслей, когда этот боров перекатился со мной на кровати. Положил меня на спину и навис надо мной, стараясь не переносить на меня вес своего тела.

Боковым зрением заметила, как его руки по бокам от меня бугрились, и очерчивалась каждая мышца. Как его глаза темнели, глядя на меня, и я не смела отвести свои. Как искажалось желанием темное лицо. Как блеск похоти отражался в его глазах, затягивая меня на дно. Как жадные губы подрагивали в свирепом оскале.

Сожрет и не подавится, ей богу... Наверное, из-за той штуки между его ног и его вида, навевающего ужас, я понимаю, почему так сильно орали те телки у него дома. Радует хотя бы то, что я видела, как каждая из них покидала его

квартиру живой и на своих двоих.

А зачем, Чича, ты сейчас все это себе говоришь? Что бы что? Ты трахаться с ним собралась? Очнись! Если это случится, то будь уверена, что жалкую калеку решили пожалеть и утешить, не более того!

Нет, конечно... нет. Я даже и не думала об этом!

Но Тим замороженно опускался к моим губам, раскрывая навстречу свои.

Для чего?! Опять?! Опять лобызаться?!

Но секунда, и я словно потерялась во сне. В превосходном, знойном, парящем сне. Захмелела под гипнозом его глаз.

Тимур

Маленькая девочка даже не понимает, что творится... не понимает, что творит с моим контролем. Не замечает, что протяжно стонет, стоит коснуться ее сочных розовых губ.

Всеми силами в зародыше пытается давить то, что чувствует ко мне.

Но я, походу, в какой-то мере счастливый, раз иногда могу украсть момент и в полной мере ощутить ее. На все про все у меня примерно пара минут, прежде чем она очнется и вновь одарит меня убийственным взглядом.

Зубами схватил ее нижнюю губу и всосал в себя, закатывая от удовольствия глаза. От чувств! От того, как член встанет на нее. От мерцающих в голове грязных картинок, как оказываюсь в ней, врезаюсь в нее.

Грубые ласки и животные поцелуи сводят с ума. Хочется проникнуть дальше, но эта маленькая стерва сразу все просечет!

Но, вновь решив рискнуть, как обычно обхватил пальцами ее лицо, тем самым открывая её рот.

Воооот таааак. Дай мне свой розовый язычок.

Набросился жадно на маленький рот, проталкивая свой язык, облизывая ее щеки, небо, язычок!

Сука, я тебя проглотить хочу. Сожрать! Перемолоть всю!

Даже не заметил, что уже не целовал, а кусал ее рот и покрывал укусами все лицо. Не заметил расширенные глаза, наполненные обескураженным... смехом?

Чича

Блядь, если бы он не стал меня кусать, я бы наверняка провалилась в его безумство. Но... но, очнувшись от одичалого, жадного поцелуя, вмиг почувствовала, как он попеременно покрывает меня укусами.

Как животное! Неконтролируемое животное!

Смотрела на него во все глаза, еле сдерживая внутренний смех.

Сумасшедший! Неудержимый!

Не отводя от моих глаз черный, алчный взгляд, продолжал кусать. Зубами оттягивать то губы, то кожу! Тихо рыча себе под нос, наслаждался мной, как куском мяса.

– Поцелуй меня!

Я громко сглотнула и задрожала от властного приказа.

Чича, ты ведь его не боишься. Сейчас не боишься! Чего ты дрожишь?! Пошли его на три веселых буквы! Скажи сейчас! Посылай нахрен! Он ведь хотел услышать твой голос? Не дрожи!

– Целуй меее-няня! – хрипло, угрожающе, плотно прижимаясь к моим губам.

Сумасшедшее сердцебиение отстукивало в горле, пока я наблюдала за мутным взглядом черных глаз. Из-за внушительного органа, который упирался в меня, адски простреливало внизу живота.

Страх нет, но желание... желание чертовски сильное.

Подняла руку и впиалась ногтями в его шею, оставляя красные полосы на ней.

– Больно хочешь? – перехватил руку и впечатал ее в кровать сбоку от моего лица.

Наверное, никак... подумалось, прежде чем закусить краешек губы.

– Потекла уже?

И тут-то оцепенение спадает с меня. Чич, между вами целая жизнь. Разные...

Да! Я ведь теку от него! Но только он считает, что я шлюха подзаборная! С бомжами. А что ж сам лезет? Голод? Постоянно со мной?

– Милая, очнись. Я не желал обидеть, девочка, – поцеловал в нос и нежно в губы. – Я тебя хочу.

Возможно, прав. Я ведь не знаю, какой у людей секс. У

нормальных людей, а не у того отребья, которое знаю, знала...

Не отводя взгляда от него, помотала головой. Пускай слезет с меня.

Обессиленно с тяжелым вздохом опустил голову мне на грудь.

– Бля, какая ты дура! Я не хотел унижить! Слышишь?! Ты не чувствуешь, что ли, что у меня стоит на тебя? – для наглядности вдавил свою внушительную эрекцию в меня. – Или тебя слова так задели? М? Так ты никогда не подбирала слова! Не задумывалась о них!

В нашу дверь постучали, прерывая его.

– Сука! Неужели сложно оставить нас? – приподнял голову и на грани бешенства посмотрел на меня.

Твою мать! И вот эта гремучая ядовитая змея в данный момент лежит верхом на мне! Первый порыв – скинуть его с себя! Он словно вот-вот сорвется на всех в округе! Лицо сумасшедшего! Иного сумасшедшего, нежели который был еще пару минут назад!

– Я когда-нибудь все твои ебучие мысли продолблю своим членом. Запомни эту фразу.

Загнанно дыша, словно после марафона, нервно хохотнула от его слов. Следила за ним взглядом, как скидывает демонстративно полотенце и натягивает шорты на стоящий колом член.

– Ты же у нас уже все успела разглядеть? Да? Тогда еще,

на моей хате?!

Отвела от него взгляд и попыталась скрыть ответ, написанный в моих глазах.

– Да нет, погоди отворачиваться! – явно все распознав, резко сократил между нами расстояние. Больно схватил меня рукой за лицо и повернул к себе.

К себе? К своему члену! Он покачивался от нетерпения прямо надо мной! Над моим лицом! Темный, на вид твердый, длинный, бугрящийся и с расползающейся по всей длине сеткой вен.

Очередной громкий стук и его злобное громохание:
– Сейчас!

Господи, как он еще сдерживается?! Отвечает!

Схватил грубо член, оттягивая еще больше вниз крайнюю плоть. Налитая головка темно-бордового цвета, казалось, вот-вот лопнет. Маленькая капля смазки выступила, поблескивая, умоляюще прося слизать ее.

– Нет! Ты смотришь на него и не отводишь взгляда! – не успела я скосить глаза от своих диких мыслей, как раздался еле сдержанный хриплый бас.

Но в следующий момент в дверь вновь настойчиво застучали, отчего Тимур, не выдержав, саданул возле меня по стене.

Натянул наконец-то шорты, пряча свой срам.

– Мы не закончили! – рывкнул, не оборачиваясь, и отправился к двери.

Хочешь сказать, Чича, что тебе было неприятно и неудобно? Черт возьми, ты текла от каждого его движения и слова! В тебе полыхает жар! Оттого в ноздри и забивается запах жженных органов и тела! Вяжущая от желания слюна не позволяет сглотнуть полностью.

Только сейчас, услышав незнакомые голоса, осознала, что в полной мере облегченно и быстро задышала. Мы не одни!

– Не ооо...дни – еле как прошептала дрожащим голосом. То ли из-за травмы, то ли из-за адского вожделения.

Сукин сын! Ты меня не подсадишь на себя!

Глава 11

Боль – это урок, который идет тебе на пользу.

с. Дж. Мартин

Чича

– Добрый день! Решил лично проверить и узнать, как Вы устроились на новом месте, а заодно обсудить одну небольшую проблемку.

– Проходите!

До сих пор дрожа всем телом, закатила глаза на равнодушный ответ чокнутого.

Через пару секунд в зоне моей видимости оказался мужчина средних лет в белом халате. На вид ему примерно лет тридцать пять-сорок.

Завидев меня, улыбнулся. Но улыбка отнюдь не искренняя. Скользкая, равнодушная. Еще один индивид из разряда ползучая тварь.

– Здравствуйте, – обдал холодом зеленых глаз.

Охренеть, какая разница между его глазами и Алины. Те теплые, летние и эти, цвета зелени, несочетаемые и никак не вяжущие с холодом.

Смотрела на него безразлично, наплевав на все нормы приличия. Показывая ему, что не стоит передо мной ломать комедию. Я бы его больше зауважала, если бы сразу показал, какое он на самом деле дерьмо, а не вот эти все глупые и

фальшивые улыбочки.

Еле уловимо прищурил левый глаз и резко развернулся, обращаясь к Тимуру, который стоял сбоку от него и наверняка уже успел заметить наши переглядки.

– Как Вы устроились? – будничным тоном поинтересовался он у Тимура.

– Как видите, – безразлично пожал обнаженными плечами со скрещенными руками на груди.

Хоть бы футболку надел!

– Да, да, вижу, – заискивающе ему улыбнулся и начал оглядываться по сторонам, при этом благоразумно меня не замечая.

– В чем проблема? – сходу поинтересовался Тим сквозь зубы. Похоже, до сих пор кипит от неудовлетворенности. – Мы вроде договаривались, что начинаем с завтрашнего дня. Транспортировка из другой больницы наверняка отняла у нее немало сил. Ей время нужно на восстановление, – тут-то и пробились мои эмоции на его обращение к доктору.

Заломила бровь и изучающе на него посмотрела.

Набраться сил? Тогда какого черта ты ко мне лез минуту назад? Явно не с мыслью, чтобы я отдохнула и восстановила запас своих сил.

– Да, я всё помню. Поэтому и пришел, – развернулся ко мне на последней своей фразе и с какой-то самоуверенностью, что ли, вымолвил, глядя мне в глаза. – Меня зовут Дмитрий Полянский! Я заведующий этого центра, – а после

замолчал на продолжительное время, словно хотел донести какой-то посыл или... припугнуть?

Забавно! Если бы я только могла четко ответить... Но, к сожалению, я не решилась сейчас! Не решилась открыть свой рот и выпустить на свободу искаженный из-за полученной травмы голос.

Поэтому мне не составило труда вспомнить один из моих взглядов, чтобы показать ему всю его ничтожность. Просто еще один убогий появился на моем пути. Еще одно лживое дерьмо. Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что он не будет моим врачом!

– Я уже знаю, кто Вы, а ей, поверьте, наплевать на Вас с высокой колокольни.

Не выдержав, довольно усмехнулась на слова Тимура.

О, как за меня ответил! И на том спасибо!

Заведующий окинул меня хмурым взглядом и, сделав паузу, продолжил монотонно, обращаясь исключительно ко мне:

– Ваша медсестра передала нам вашу карту. Мы не учли одного. Вы до сих пор находитесь на постоянной катетеризации, – к моему удивлению, он проговаривал каждую фразу серьезно. – У Вас выключена функция мочевыделительной системы.

– Мы в курсе. В чем проблема заключается? – с тяжелым вздохом нетерпеливо перебил его Тим. Казалось, он от этого выскочки тоже начал уставать.

Врач, повернувшись на голос Тимура, любезно продолжил, не обращая никакого внимания на его несдержанный тон:

– Проблема в том, что в её случае это будет мешать. С постоянной катетеризацией она не сможет выполнять некоторые упражнения, в том числе и заниматься в бассейне, – ответил врач ему на вопрос и снова повернулся ко мне. – Я предлагаю перейти на временную катетеризацию. Тогда вас уже ничего не будет ограничивать, – выжидающе на меня посмотрел и попутно пригладил свои зачесанные назад русые волосы.

Медленно перевела взгляд от доктора на стоящего рядом с ним Тимура. Глянула ему в глаза, спрашивая... наверное, совет?

– Тебе решать. Как ты захочешь, – незамедлительно последовал его ответ, стоило только словить ему мой взгляд.

Я хотела поскорее от этого избавиться, поэтому незамедлительно кивнула врачу, давая добро.

Но тогда я еще даже не подозревала, какую большую ошибку совершила!

– Отлично! Тогда мы все подготовим и уже сегодня проведем мини-операцию, – я нахмурилась на слова заведующего. Какая такая операция?

Но, словив мой непонимающий взгляд, врач пояснил:

– Эти манипуляции совершаются под наркозом. Мини-операция минут на десять, от силы двадцать. Зато уже

завтра начнем, без каких либо препятствий. С вашим физиотерапевтом познакомитесь завтра, – хоть в этом порадовал. Главное, не он!

– Хорошо! – задумчиво кивнул Тим, опираясь плечом на косяк стены.

– Ну, тогда всего доброго! Если появятся вопросы, Вы знаете мой номер сотового или где меня найти, – проговорил чересчур радостно, направляясь на выход из нашей палаты.

Погрузившись глубоко в себя, не сразу поняла, что мы с Тимуром уже находимся одни. На поверхность вытянул его голос, который в данный момент сочился ядом и издевкой:

– Ага, я твой кабинет буду обходить десятой дорогой, а номер, и тот постараюсь выжечь из памяти, – оказавшись рядом со мной, поднял свой взгляд на меня.

Приподняла брови и тут же их нахмурила. А в ответ получила раздражительный всплеск его рук и пропитанный желчью тон:

– Мальчик любит ебаться в жопу!

Смотрела на него непонимающе, но не потому, что не разобрала слов или их смысл. Я тупо была ошарашена полученной информацией!

Оказывается, это лживое дерьмо – пидорас?! А после этих мыслей захохотала, прикрывая глаза. Но, прежде чем совершить сие действие, словила на чувственных мужских губах проскользнувшую улыбку в ответ на мой смех.

Утро следующего дня

Какая же я дура! О чем я только думала?! Ну почему я постоянно бегу вперед паровоза? Я не могу винить Тимура в содеянном, он и сам, возможно, столкнулся впервые с медицинскими вопросами, решениями. Но я! Это касалось лично меня, и я, твою мать, вновь облажалась!

Обо всем этом я думала, смотря то на раздосадованного от услышанного Тимура, то на медсестру, которая в данный момент талдычила нам одно и то же. Точнее, мне.

Еще каких-то десять минут назад, отойдя от наркоза и еще не успев толком проснуться, я услышала стук в дверь нашей палаты.

Потирая глаза и щурясь спросонья, уловила тупое:

– Я открою, лежи.

Я махом сбросила с себя остатки сна и вылупилась на этого кретина.

– Черт! Я еще сплю, извини! – развернулся ко мне в одних черных боксерах и развел руками.

Закрыла глаза, умиряя свой пыл. Оно вроде и понятно, но слышать это неприятно, черт подери.

– Здравствуйте! Я знаю, что еще рано, но мне нужно Вас уведомить о манипуляциях временной катетеризации. Возможно, больная захочет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.